

**ВИКТОР
ВОЛКОНСКИЙ**

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

**КОНЕЦ ДОМИНИРОВАНИЯ
ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЧТО ДАЛЬШЕ ГОТОВИТ
НАМ ИСТОРИЯ?**

Коллекция Изборского клуба

Виктор Волконский

Многополярный мир. Идеология и экономика. Конец доминирования Западной цивилизации. Что дальше готовит нам история?

«Книжный мир»

2015

Волконский В. А.

Многополярный мир. Идеология и экономика. Конец доминирования Западной цивилизации. Что дальше готовит нам история? / В. А. Волконский — «Книжный мир», 2015 — (Коллекция Изборского клуба)

Жизнь человечества, его история разыгрываются в двух сферах бытия, определяются двумя установками – материально-прагматической и духовной, смысловой. Нынешний духовный кризис связан с безраздельным доминированием материально-прагматической установки и рационально-волевого начала в духовно-идеологической сфере. Очередная попытка глобализации оказывается несостоятельной. Антиамериканизм усиливается во всем мире. Начинается период многополярного мира, эпоха поиска новых Смыслов, формирования новых духовно-идеологических и экономико-политических моделей и обновления старых. Формирующаяся идеология многополярного мира может опираться на духовное наследие проходящей через всю историю линии объединяющих идеологий, к которой относятся христианство и социализм. Обновление парадигм экономической теории должно быть связано с отказом от требования полной внешне экономической открытости, от доминирования финансово-ценовых механизмов, с переходом к производственно-государственным стратегическим целевым установкам. Россия призвана дать миру образец взаимопонимания и взаимного обогащения разных национальных культур и духовно-идеологических установок, рыночных и планово-административных механизмов. Для этого она обладает одним из наибольших потенциалов из стран мира. Соавторами экономической, третьей части книги являются В. А. Волконский и Т. И. Корягина. Ее содержание в значительной части базируется на совместных работах соавторов (<http://www.koriagina.com/>), в первую очередь, монографии «Современная многоярусная экономика и экономическая теория».

© Волконский В. А., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Введение	7
Часть I	13
1.1. Человек обитает в двух мирах	13
1.2. Кризис или конец доминирования западной цивилизации?	24
1.3. Возникновение многополярного мира	36
1.4. Борьба идей глобализма и национальной государственности в советской истории	44
1.5. Идея прогресса и теория цивилизаций. Две линии в истории идеологий	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

В. А. Волконский
Многополярный мир
Идеология и экономика
Конец доминирования
Западной цивилизации
Что дальше готовит нам история?

© В. А. Волконский, 2015

© Книжный мир, 2015

Введение

Задача книги

Перед российским обществом, да и перед всем человечеством, сейчас стоит настоящая задача восстановить (или создать вновь?) общезначимую картину мира, позволяющую не только анализировать причины видимых изменений, но и выявлять Смыслы и ориентиры для оценки событий, различать Добро и Зло, давать установки для деятельности. Это задача создания идеологии (или точнее, идеологий, поскольку цели и ценности людей слишком разнообразны, и нет оснований ожидать, что когда-нибудь все будут думать и чувствовать одинаково).

Западная цивилизация (цивилизация европейского Модерна, в сфере экономики и политики – капиталистическая система) обладает большими заслугами перед человечеством. Ее доминированию в мире человечество обязано великими достижениями в науке, культуре, образовании, экономике. Но эти достижения после победы Запада в холодной войне привели к его монопольному господству в большинстве пространств человеческой жизни и деятельности. Это монопольное положение позволило западному Центру создать, на основании капиталистической системы и либеральной идеологии, идеологию глобализации и объединить значительную часть национальных элит в мировую властвующую элиту. Одновременно все больше выявляются негативные, разрушительные, антигуманные результаты однополярного мира и американского политического, финансового и военного монополизма.

Сейчас *кризис* – едва ли не наиболее часто употребляемое слово. Но чаще всего имеется в виду кризис финансово-экономический, только что окончившийся (по мнению иных, еще продолжающийся), который начался в 2008 году. Этот кризис, так или иначе, будет преодолен человечеством. (Более подробно о нем см. в части III). Однако интеллектуальное сообщество упорно констатирует более серьезный кризис, признаки которого менее наглядные, трудно преодолимые, но которые проявляются во всех культурных и гуманитарных сферах (хотя его описания значительно различаются).

Причины современного кризиса невозможно понять, оставаясь только в круге социально-экономических и политических факторов. Это также кризис смыслов и целей человеческой истории, особенно остро проявляющийся в России, и в странах Запада, – упадок религий и идеологий, период бездуховности. Безвременье. В культурно-философской сфере он давно выявился как кризис научного мировоззрения и появление экзистенциальной философии. В собственно идеологической сфере его можно обозначить как кризис универсальных идеологий. Великие Идеологии – капитализм, социализм, либерализм – в значительной мере утратили свою силу. Современную ситуацию часто называют идеологическим вакуумом. Необходимы новые идеологии или серьезное обновление старых.

Либеральные фундаменталисты пытаются убедить человечество, что единственной несомненной реальностью является каждый отдельный человек, индивидуум, его неповторимая личность, его свободный выбор. А все коллективные и общественные цели и ценности важны и ценны только в той мере, в какой они являются средствами для реализации целей индивида. И конечная, высшая ценность – его земная жизнь. Но человечество никогда не согласится с таким суженым, с таким «плоскостным» мироощущением. Это значило бы отказаться от его главного богатства – богатства духовного. Богатство ценностей социального общения и объединения, *надличностных Смыслов*, причастия к священным реальностям, – это богатство не раз в истории позволяло Человеку находить выходы из, казалось, безвыходных тупиков и кризисов.

Две первые части книги посвящены проблемам в сфере идеологии и философии. Вопросам согласования идеи социально-экономического прогресса и теории цивилизаций, сближения научного мировоззрения и христианской духовности. Создание новой идеологии (или

обновление старых) должно содержать критику представлений, господствующих в настоящее время, но не должно сводиться к критике. Сейчас нет недостатка в критических и алармистских работах мировых и российских духовных и интеллектуальных авторитетов. В предрасветную пору человеку необходимы признаки (знаки) грядущего восхода. Главный дефицит сейчас – в выявлении признаков нового, в поиске ростков, которые дают надежду на преодоление духовного, культурно-идеологического тупика, характеризующего современное состояние человечества. Идеология, претендующая на историческую роль, должна быть оптимистической. Если мудрость не радостна, то какая же это мудрость?

Потребность в воссоздании идеологии наиболее остро выступает для России, где до сих пор не зажили расколы и раны гражданской войны и катастрофы 1990-х годов, «не срослись звенья цепи времен» – православно-монархической и советско-коммунистической исторических эпох. У России есть многовековой опыт исторического творчества совместной жизни разных народов, разных религий, разных мировоззрений. Решение в России проблемы плодотворного «единства в многообразии» (по Константину Леонтьеву) стало бы образцом для формирующегося на наших глазах многополярного мира, в котором сейчас так нуждается человечество.

Богоборчество коммунистов – это наследие антихристианского европейского Просвещения, которое вынуждено было «с боями» вырваться «из-под глыб» тоталитарной идеологической монополии средневековой церкви. Однако по существу, коммунистическая идеология – это развертка христианских целей и ценностей в социально-экономическую сферу, разработка тех средств и институтов, которые необходимы для их реализации в условиях капитализма. Образ самой христианской Церкви как социального института, ее целей и средств их реализации, изменялся на протяжении тысячелетий. Так же может меняться и образ коммунистической идеологии, и социалистической институциональной системы. Пока мы видели только их первоначальные варианты¹. Взаимное неприятие христианства и коммунистической идеологии – это историческая ошибка, трагическое недоразумение: «своя своих не познаша». По своим окончательным, фундаментальным ценностям социализм очень близок к христианству. По существу он мог бы стать частью или развитием христианского учения, его «разверткой» в проблематику общественного устройства. Осознав и приняв свое происхождение от христианства, социализм мог бы в союзе с ним выполнять его роль идейного течения, направляющего и исправляющего ход истории, принимающего разные облики в разные эпохи, но хранящего преемственность в течение веков и тысячелетий.

В 2000-е годы в России начался процесс переосмысления идеологического наследия советской эпохи, возвращения всего лучшего и отбрасывания принципов, непригодных для строительства Будущего. Разве можно в идеологии Будущего обойтись без утверждения героического начала, без чествования героев войны и героев труда? А героизм во имя идеи, во имя добра и справедливости – это наследие великого идеологического прорыва христианства, утверждения и возвышения святости христианских мучеников.

Ситуация в России 90-х годов многими аналитиками характеризуется как отсутствие суверенитета, как полуколониальный или даже оккупационный режим. Веру в ее преодоление дают признаки смены тенденции глобализации по-американски на тенденцию формирования и укрепления многополярного мира.

Сейчас появились признаки, что эпоха однополярного мира подходит к концу. Некоторый период исторического времени будет периодом **многополярного мира (МПМ)**². Наи-

¹ Советскую общественно-экономическую систему Ф. Н. Клоцвог называл ранним социализмом.

² Согласно смыслу, пришедшему из физики, термин *полюс* означает одно из двух противостоящих начал, или одну из сторон противоречия в диалектической логике, которое составляет суть всякого развития. Однако в современном политическом языке давно утвердились термины *многополярный мир* и *одно-полярный мир*, которые составляют понятную всем гегелевскую пару, как тезис и антитезис. В книге будут использоваться эти устоявшиеся термины. Нет необходимости отбрасывать

более наглядные и бесспорные признаки – в геополитике и геоэкономике. За первое десятилетие XXI века показатель ВВП на душу населения лидирующих стран Запада повысился на 8-10 %. Тот же показатель для лидеров незападных цивилизационных полюсов (Индия, Россия, Иран) увеличился за тот же период на 60–80 %. В Китае он вырос в 2,5 раза. Согласно исследованию ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), к 2016 году Китай по объему ВВП обгонит США. Еще важнее те внутренние и внешнеполитические трудности, с которыми столкнулись администрации США и Евросоюза в последнее десятилетие. (Более подробно – в разд. 1.3 и 3.5).

Ослабление Запада порождает главную историческую силу, создающую многополярный мир, – *стремление региональных элит к суверенитету*, к независимости от мирового Центра. В период подавляющего превосходства Запада в экономической и политической сферах элиты остальных полюсов были в значительной мере ориентированы на западные ценности, озабочены стремлением встроиться в однополярную капиталистическую систему. Развитие науки, культуры, философии тормозилось «утечкой мозгов» (этот фактор все еще действует). С возникновением «противовеса» западному Центру появляется возможность ставить задачу и добиваться экономического и политического суверенитета. По-видимому, этот фактор в настоящее время уже стал непреодолимым.

В настоящее время экономические, политические, информационные взаимосвязи между странами стали чрезвычайно тесными. Принцип финансовой и экономической открытости, который теперь положен в основу всей системы международных экономических отношений, выгоден в большей степени развитым странам и поддерживается всей мощью «клуба развитых стран» (см. разд. 3.5).

Открытость периферийных экономик, значительно более бедных по сравнению с западными странами, делает их беззащитными перед непредсказуемыми колебаниями спроса и мировых цен на товары и финансовые активы, которые определяются изменениями геополитических условий и непредсказуемыми переменами в политике западного Центра и спекулятивных стратегиях финансово-политических групп. Эта непредсказуемость лишает периферийные экономики возможности выстраивать собственную суверенную стратегию развития (в частности, стратегию модернизации экономики, требующую разработки долгосрочного плана поэтапного изменения структуры хозяйства и общества), обрекает на роль вечных сателлитов западного сообщества, вынуждают постоянно реагировать на события, происходящие в развитых странах. Появляется настоятельная потребность выстраивать политику, идеологию и институты *разумной автаркии* (см. [35]). Но ее невозможно обеспечить в рамках малой или средней страны. Речь может идти только о достаточно крупной экономике, в которой обеспечивается комплексность хозяйственного развития, которая может устойчиво развиваться самостоятельно, вне зависимости от колебания условий экспорта и импорта, – т. е. об **автаркии крупных регионов**.

Наиболее естественно создание таких комплексов на базе цивилизационной близости. В результате потребности в региональной автаркии возникают союзы и коалиции, такие как ЕС, АСЕАН, БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, НАФТА, МЕРКОСУР. Силы, толкавшие страны к глобализации начинают действовать в направлении регионализации. Возникает задача создавать внутри каждого цивилизационного сообщества объединяющую духовность и идеологию самостоятельного, суверенного развития (в первую очередь, на основе традиционных культур и религий и обновленной социалистической идеологии). А также идеологические и институциональные механизмы предотвращения и мирного разрешения межцивилизационных конфликтов. Важную роль в идеологиях новой эпохи должна играть способность человека понять Смыслы иного мировоззрения, «вжиться в образ» чужой культуры.

их только потому, что в физике принято вкладывать иной смысл в слово *полюс*.

Силы экономического и политического объединения, действующие на протяжении всей истории, приводили к образованию малых и больших этносов, к созданию великих империй, а временами порождали идеологии создания мировой империи, идеологического и политического общепланетарного сообщества. В докапиталистическую эпоху эти силы носили религиозный или политический и военный характер. Капиталистическая эпоха добавила к ним мощнейшую экономическую заинтересованность в экспансии и укреплении рыночных связей. К концу XIX века В. Ленин констатировал выход этих сил внешнеэкономической и внешнеполитической агрессивности на уровень главных сил, определяющих историческое развитие, и переход капитализма в свою высшую стадию – империализм. Экономическая и политическая структура того мира – это некий вариант многополярного мира. Главное отличие современного состояния человечества от того периода – в том, что человечество знает (те, кто хочет знать), к каким двум тяжелейшим войнам привели его эти агрессивные силы. Сумеет ли оно воспользоваться этим ценным опытом, выработать иммунитет против опасной болезни? – На этот вопрос пока нет ответа.

Основная надежда избежать Третьей мировой войны состоит в том, что благодаря современному состоянию технологического и экономического развития, человечество получило возможность удовлетворять элементарные потребности большинства жителей планеты. И поэтому удастся противостояния и конфликты не доводить до массового истребления, а переводить в духовно-интеллектуальную сферу.

Идея *мира без войн* выглядит утопией. Утопии никогда не реализуются в точности по тем чертежам, которые рисуют теоретики. Но утопии необходимы человечеству для развития. «Утопия» Томаса Мора и «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона – это необходимые составные части того открытия, которое позволило человечеству сделать великий скачок к цивилизации Модерна. Такую же роль уже сыграла, и будет играть в дальнейшем «утопия» коммунизма. Любой религиозный проповедник, зовущий своих последователей к социально-нравственному идеалу, становится утопистом.

Одним из главных методов невоенной «конкуренции» между крупными державами всегда был метод, или установка, которая еще в Древнем Риме получила обозначение «разделяй и властвуй». Историческим чемпионом по мастерству и широте использования этого оружия, наверно, следует считать Британию. Не только история, но и художественная литература полны описаниями работы британских спецслужб и дипломатов, которые виртуозно использовали противоречия интересов властных групп, кланов, партий – как в странах Ближнего Востока, так и в Китае, Индии, России, Германии, – чтобы продвинуть во власть своих людей, устранить противников, добиться принятия нужных решений правительством. Хорошо известно, какую важную роль играли дипломаты и агенты спецслужб во властных структурах великих держав в процессах обострения отношений между ними, которые привели сначала к Первой и затем ко Второй мировым войнам.

В настоящее время круги мировой элиты, борющиеся за капиталистическую глобализацию, и тайно, и открыто поддерживают конфликтующие национальные, религиозные, политические силы внутри противостоящих такой глобализации государств и союзов с целью обострения конфликтов, препятствования объединению, углубления расколов, распада крупных политических образований. Их цель – создавать геополитическую структуру в виде массы мелких национальных и политических образований, интересы которых направлены против формирования или укрепления крупных геополитических и геоэкономических «полюсов» (и которые не могут определять свою политику независимо, без поддержки Центра). Это одно из главных проблемных пространств, где противостоят цели глобалистов и сторонников МПМ.

XX век прошел под знаком противостояния социализма и капитализма. К концу XX века человек столкнулся с упадком учений, претендовавших на монопольное доминирование в мире, – универсальных идеологий. Десятилетия после краха СССР и социалистической

системы прошли под знаком усилий США и мировой финансовой системы навязать всему человечеству структуру однополярного мира на основе западной капиталистической идеологии. С течением времени становится все более очевидным, что эта попытка не увенчалась успехом. Судя по нынешним идеологическим и геополитическим процессам, наиболее вероятным представляется наступление на тот или иной срок эпохи многополярного мира, где каждый цивилизационный полюс будет искать в своей истории и культуре, разрабатывать и укреплять свою объединяющую, консолидирующую духовно-идеологическую основу. Начинается **эпоха поиска новых смыслов** и обновления старых религиозных и идеологических учений. В целом можно констатировать, что по сравнению с ситуацией XX века происходит «поворот идеологической оси»: альтернатива **капитализм – социализм** преобразуется в альтернативу **глобализм – многополярный мир** (см. также [9]).

В истории идеологий можно выделить две противостоящие друг другу линии (раздел 1.5). Формирующаяся идеология многополярного мира может стать продолжением линии объединяющих идеологий: христианство – социализм – многополярный мир.

Часть III книги посвящена проблемам экономики, прежде всего проблемам экономической теории и современной капиталистической системы. Сейчас происходит серьезный процесс ослабления и трансформации системы капитализма. Советское общество и экономика были действительно альтернативой капитализму. Но труды как по капиталистическим, так и по советским системам, как правило, содержат в той или иной степени критический анализ действующего механизма и подходы к совершенствованию их отдельных сторон. В то время как современная эпоха предъявляет заказ на их глубокое преобразование на иных принципах³. В прошлом столетии были разработки, содержащие исследования путей *конвергенции* (например, труды Дж. Гэлбрейта). Сейчас необходимо продолжение работ этого направления с постановкой более радикального вопроса: какого общества и какой экономики мы хотим? Может ли господствующая сейчас капиталистическая система смениться системой на иных принципах, лучше отвечающей надеждам человечества? Каковы могут быть и должны быть основные черты того общества, которое придет на смену?

В разделе 3.6 намечены некоторые черты возможной системы принципов, которые должны быть заложены в основание более эффективной и гуманной экономики (авторы прекрасно сознают, что это именно только отдельные черты, вовсе не претендующие на полноту картины).

Одну из задач настоящей книги можно обозначить следующим образом. Миру и особенно России нужна новая идеология, альтернативная доминирующему сейчас мировоззрению или мироощущению. По крайней мере, необходимы пересмотр и критическая переоценка ряда исходных положений и приоритетов, порядка, важности и остроты проблем, которые сформировались в условиях подъема капиталистической системы или современной однополярной геоэкономической и геополитической структуры. Положений и приоритетов, многие из которых приобрели статус общеизвестных истин, аксиом, не требующих обоснования. В Части III проанализированы некоторые из таких «аксиом», которые перестали отвечать быстро меняющейся реальности.

* * *

Авторами Части III книги являются В. А. Волконский и Т. И. Корягина. Ее содержание в значительной части базируется на совместных работах авторов, в первую очередь, монографии

³ В книге В. Ю. Катасонова [26] собран огромный материал по развитию и современному состоянию капитализма и его разрушительному воздействию на человеческое общество. Однако в ней практически ничего не говорится о том обществе, которое должно прийти ему на смену.

«Современная многоярусная экономика и экономическая теория» [30]. Использованы также материалы ряда совместных статей авторов с А. И. Кузовкиным.

Часть I

Поворот идеологической оси

1.1. Человек обитает в двух мирах

Человек живет в двух мирах – материально-прагматическом и духовном, смысловом. Естественные науки изучают реальность, независимую от сознания человека. А в духовной сфере формируются ответы на вопросы: ради чего? что ценно, что важно? что есть добро и что есть зло? Что делать? Чуть более развернуто две сферы, два пространства бытия человека опишем следующим образом:

1) Пространство производственно-экономической деятельности, практической реализации целей, идей, накопления материального богатства, определяемых освоенными технологиями производства, институциональными и моральными нормами, сложившимися организационными структурами и стереотипами поведения;

2) Пространство духовно-идеологическое, смысловое, пространство культуры, демонстрирующее и формирующее понятия и образцы Добра и Зла, Идеального и Ненавистного, Прекрасного и Отвратительного.

Духовно-идеологическая сфера. Существование этой сферы позволяет человеку оценивать и ориентировать свое состояние и состояние общества, осознавать и выстраивать свою деятельность как планируемую и целенаправленную, а не только реагирующую на внешние изменения. Смыслы долгое время давали религии, затем идеологии.

В обществе знания и информации трудно сомневаться, что развитие идей и учений происходит в большой мере независимо от изменения материальных условий жизни, стереотипов экономического и политического поведения. XIX и XX столетия особенно наглядно продемонстрировали, какие гигантские энергии исторического творчества таятся в коллективных, скоординированных действиях народов, какие у человечества имеются колоссальные возможности воздействия не только на институциональные условия его существования, но и на всю материальную сферу его обитания. Каких вершин может оно достичь в науке, технике, экономике, культуре, – за счет «пассионарных взрывов», в основе которых лежит идеология, объединяющая народ или хотя бы элиту. Трудно сомневаться, что причиной великих исторических трансформаций служат далеко не только накапливающиеся усовершенствования в производстве (производительных силах) и в системе человеческих отношений (производственных отношениях), но в не меньшей, а часто в большей мере достижения в сфере духовности и идеологии. Вначале было Слово (Логос).

В настоящее время общепризнанно, что важнейшей производительной силой стала наука. История показывает, что доминирующая в обществе духовность (особенно, если это *духовность объединяющая, включающая ценность служения общему*) и ее «развертка» в социально-политическую и экономическую идеологию являются не менее, а скорее более важной **производительной силой**. Именно они сейчас становятся главным фактором, обеспечивающим стратегическую конкурентоспособность страны или цивилизационного полюса в складывающемся многополярном мире. Важнейшей причиной либеральной контрреволюции 1991 года (или первой оранжевой революции), приведшей к развалу СССР, была неспособность властвующей элиты (в первую очередь партии) укрепить, обновить идеологическую основу общества.

В разные периоды истории человечества и в разных его частях приоритетными или объективно первичными, определяющими исторические процессы, оказывались сущности и явления то материальной и экономической природы, то духовно-идеологической.

Человеку необходим смысл жизни. Для большинства это должен быть и смысл надличностный, то есть ощущение, осознание причастности к чему-то более важному, ценному, устойчивому, чем сам человек как индивид с его убогими целями и делами. **Надличностные смыслы** для него обычно связаны с жизнью группы, сообщества близких ему людей, духовными и культурными феноменами. Они являются важнейшим фактором устойчивости и развития организаций и общественных форм жизни человека (см. также [1]).

Современные либеральные идеологи пытаются утвердить «аксиому», что высшей ценностью является жизнь человека. При этом жизнь понимается в узко материалистическом смысле как обеспечение физиологических условий выживания защита от убийств, катастроф, войн. Конечно, жизнь человека – великая ценность. Но **надличностные Смыслы бытия** по их ценности **вполне сопоставимы с ценностью человеческой жизни**, а часто и превосходят ее. Это доказывает вся история человечества. Почему в 1990-е годы в России резко повысилась смертность? Только за счет ухудшения элементарных условий жизни и медицинского обслуживания? – Нет. Когда разрушались крупные, в советское время вполне эффективно работавшие предприятия и научно-производственные объединения, и множество трудоспособных и квалифицированных рабочих и специалистов оказывались на социальном дне, они теряли смысл жизни. И многие превращались в бандитов, бомжей, алкоголиков и наркоманов, в лучшем случае – в челночников. Хорошим врачам и священникам давно известно, что потеря смысла жизни является причиной серьезных психосоматических расстройств.

Серьезные исследования показывают, что потеря смысла бытия оказывается важнейшим демографическим фактором. Крупнейший исследователь культуры австралийских аборигенов делает следующий вывод: «Иногда миссионерам удается положить конец обрядам посвящения и другим тайным ритуалам или настолько овладеть молодым поколением, что старики перестают допускать юношей к подлинной тайной жизни племени. Это ведет к потере представления об идеалах, идеях и санкциях, знание которых необходимо для племенной сплоченности, к разрушению авторитета племени. В Австралии это означает вымирание племени» [23, с. 156].

Зависимость демографической динамики от духовно-психологических факторов вполне надежно обнаруживается на таких достоверных статистических показателях, как смертность от неинфекционных болезней, число самоубийств, рост или снижение преступности, алкоголизм, наркомания. В работах [24], [2] описаны такие зависимости на основе межстрановых и межрегиональных (по России) сопоставлений.

Потребность и способность сознать Смысл своей жизни и деятельности вырастают, развиваются из его психических функций: *мыслительной*, упорядочивающей деятельности рассудка, выстраивающей стратегические сценарии будущего; *эмоциональной и интуитивной*, выделяющих главные, существенные факторы в ситуации и оценивающие их полезный или вредный потенциал. На протяжении истории накопилось много фактов (в частности, подтверждаемых и научными методами), свидетельствующих, что человек обладает способностями общения с теми сущностями, энергиями, информацией, источниками и природу которых он не может объяснить (пока, а может быть, и никогда не сможет) и которые принято называть мистикой, чудесами, явлениями потустороннего, иного мира. Чаще всего с этим связана способность большинства людей отделять часть событий, сущностей, идей как *священных, сакральных, сверхценных* от повседневных, утилитарных, чисто прагматических. Священные для человека сущности, идеи, учения обычно входят как главная составляющая в Смыслы его бытия. Первоначально человек осваивал эту сферу только путем **религиозных** представлений и верований. Обычно религиозные представления и верования связаны с феноменами чудесных собы-

тий, необъяснимых с помощью научных теорий и методологии, часто постигаемых человеком только в измененном состоянии сознания, которое изучают парапсихологи.

Выделение человека из жизни Вселенной. Когда-то человек был приобщен, причастен к жизни богов и природы. Это непосредственно ощущают. У греков и римлян, у славян и германцев в языческие времена не возникает сомнений в истинности той картины мира, в которой человек был необходимой и важной частью всего мирового бытия. Даже в условиях единобожия, когда Бог стал всеобъемлющей Сущностью, сохранилась с Ним диалогичная межличностная связь. Хотя Он бесконечно превосходит человека, но Он – личность, и Он также нуждается в человеке, как и человек нуждается в Нем. Для христианства главной идеей, главным смыслом является любовь к Богу, как к отцу, и ко всякому человеку, – как к брату. Любовная причастность часто распространяется и на Божье творение.

Еще в Средние века с развитием образования, в частности, в богословской схоластике, а особенно с распространением научного мировоззрения в культуре Западной Европы выявляется более высокий приоритет *рационально-логического*, рассудочного подхода к проблемам и вызовам, которые встречаются отдельный человек и общество. Когда человек обнаружил, что благодаря науке и знаниям, растет его власть над природой, над средой обитания, тогда стало укрепляться научное мировоззрение, и человек стал верить только тому, что верифицируется его пятью органами чувств и рационально-логическим мышлением.

К остальным психическим функциям, например, художественно-эстетическим или парапсихическим способам освоения мира, его познания, – постепенно теряется доверие как к пути достижения истины⁴. Ценность интуитивного и эмоционального отношения к миру отступает на второй план. По мере научного и технологического освоения природной, материальной окружающей среды, сверхъестественные и чудесные явления и факторы вытеснялись из центра духовной жизни на периферию, их значение снижалось.

Это направление развития неразрывно связано с повышением роли и статуса *Деятельности* в процессе формирования западноевропейской цивилизации Нового времени, – целенаправленного воздействия на внешнюю среду, ее преобразования в соответствии с представлениями, желаниями, целями собственного Я. Развитие мыслительного рационально-логического отношения к миру повышает значение выделения того, что рассматривается как Я, Мое, Субъект, значение выделенности из общей массы впечатлений, образов, вызовов. Все, лежащее вне Субъекта, получает статус объекта. Западное преобразование духовной сферы, поставившее в центр принцип Деятельности, привело к тому, что понятие *истины* стало применяться только для обозначения соответствия высказывания объективной реальности. Из него исчез смысл соответствия моральному закону мира (исчез, как и само понятие об этом законе).

Ощущение причастности к жизни мира, а тем более любовное отношение к нему как Божьему творению все больше сменяется нейтральным и даже агрессивным. Это наверняка способствовало утверждению научного мировоззрения, рассматривавшего мир и все вещи и тела как механизмы. Однако это же субъективно-объективное отношение к миру и к познанию стало для многих источником тяжелого ощущения *одиночества* человека, *чуждости* его остальному миру⁵. Экзистенциалисты потом назовут это состояние «*заброшенностью*» в мир, христиане называют *бogoоставленностью*. Вместо «Божьего мира» человек оказался затерянным едва различимой частичкой в холодной и чуждой ему Вселенной, с которой не может быть других отношений, кроме борьбы с целью победить ее, использовать, получить выгоду.

⁴ Андрей Пелипенко и другие культурологи называют преобладание последовательно-логической мыслительной практики освоения мира, доминирующее значение Слова (Логоса) и Книги у народов Западной цивилизации и авраамических религий – логоцентрическим типом культуры и связывают его с преобладанием левополушарного типа психики.

⁵ Это основная причина того большого значения, которое придавали практически все философы категории *отчуждения*.

Хороший лозунг «природа – это мастерская, и человек в ней – работник». Но ведь она еще и дом человека!

Человек все больше понимал (в частности, с развитием науки), что он – не центр мира, что Вселенная полна событий и сил неизмеримо более мощных, чем те, на которые он может повлиять. Это стало важной причиной духовного кризиса, кризиса смыслов. Успехи науки привели не только к гордому сознанию могущества человеческого Разума, но и к переживанию своего ничтожества. Николай Кузанский из факта бесконечности Вселенной выводит очевидное заключение, что ни Земля, ни Человек не могут быть центром мироздания. Затем уже Наука доказала, что Земля – одно из бесчисленных небесных тел, песчинка, затерянная в бесконечном пространстве. А что же такое Человек? – «Это только мыслящий тростник, колеблющийся от каждого ветра бытия». Рационально-логический разум не может дать человеку опору, чтобы преодолеть охватывающее его отчаяние: человек оказывается «на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия». Это констатация Блеза Паскаля, жившего еще в середине XVII века. Он едва ли не первый из философов, который выразил трагичность, бессмысленность, ужас бытия для человека, воспринимающего свою роль в мире только через призму научного мировоззрения. Прошли три столетия великих побед человека над природой, и вот в XX веке практически аналогичные отчаяние и ужас от онтологической бессмысленности человеческой жизни переживает Альбер Камю.

Идеология и духовность. Выход из духовного кризиса человечество нашло в переоценке роли собственной истории. С развитием производства и науки повышалась и роль общественной жизни. Постепенно научились находить Смысл в совершенствовании жизни общества, его технических и познавательных возможностей, а не только в совершенствовании нравственности, поведения, культуры каждого человека как личности. Главным местопребыванием надличностных Смыслов становится **История**. В эпоху Просвещения в Европе, а затем и во всем мире утвердилось представление о нормальном состоянии человечества как о постоянно развивающейся системе. Важнейшей целевой установкой и смыслом деятельности стал символ **Прогресса**. Что такое история человечества? – Этот вопрос и сейчас остается актуальным и дискуссионным. Есть ли это последовательность смешных и трагичных заблуждений, во имя которых проливались реки крови? Или это ступени восхождения Человека к высотам, с которых открываются все более широкие горизонты Знания и Гармонии, школа совершенствования человечества, лестница его возвышения? Верующий во Всевышнего Бога может представлять историю как школу, в которой Бог воспитывает и обучает человечество⁶.

Условия жизни человека изменяются. Эти изменения происходят как в материальном мире, так и в мире духовно-идеологическом. Меняются институциональные, экономические, политические условия внутри стран и в геополитической и геоэкономической структуре мира. Это мир материальный. Во втором мире – духовно-идеологическом – изменения происходят вслед за изменениями в первом мире. Это соответствует концепции исторического материализма. Но часто исторические перемены начинаются с возникновения новых религиозных учений, пассионарных подъемов, открытия новых социально-информационных технологий. И эти перемены вызывают гигантские сдвиги в общественном строе, в научно-техническом развитии, в геополитической структуре мира. Историческая роль самой концепции истмата есть пример, порождающий сомнения в его основной аксиоме о том, что первоначальной движущей силой являются изменения в материальном мире. Эта концепция стала главной опорой социалистической идеологии, которая и превратила ее в важнейший фактор, направляющий исторические процессы.

Важнейшие факторы движения Истории – Идеи и Духовные учения, объединяющие сообщества, народы и вдохновляющие их на творческие порывы, пассионарные подъемы и

⁶ Впервые этот образ я услышал от А. Р. Бахтиярова.

великие деяния. Кроме религий, в этой роли выступают идеологии⁷. Они не в меньшей степени, чем производительные силы и производственные отношения, являются движущими силами истории. Обществу и каждому члену общества нужен образ Светлого Будущего. И значит, нужна идеология. Эпоху религий сменила эпоха идеологий. XX век стал веком идеологий.

Идеологии – это системы знаний о мире и обществе, о месте в них человека. Они могут содержать научные теории, но не сводятся к ним, поскольку должны давать ответы на смысловые вопросы: как жить и как оценивать явления жизни. Идеология – это способ связи, переходной механизм от конечных ценностей и смыслов, не всегда имеющих рациональную формулировку и обоснование (это могут быть религиозные или национально-патриотические ценности и доктрины), – к рациональной системе нравственных правил и целей поведения. Это их «развертка» в картину социально-экономических представлений, механизм различения Добра и Зла.

Способность сообществ людей думать и чувствовать одинаково, причем жить одинаковой надеждой и верой в будущее, радоваться или страдать из-за событий, непосредственно их не касающихся, то есть в мире духовном, а не в материально-прагматическом, – это великая способность человека, которой он обязан всеми достижениями цивилизации и культуры. Возможность «*жить в двух мирах*» создана человечеством в результате долгой и трудной, часто трагической истории – истории возникновения и развития религиозно-мистических, идеологических, нравственно-философских учений, которую можно назвать сферой духовно-идеологической.

Бывают исторические ситуации, когда для значительных категорий людей жизнь становится невыносимой⁸. Когда не видно пути к решению задачи на плоскости, ищут его, выходя в трехмерное пространство. Если в нашем трехмерном пространстве ситуация тупиковая, надо выходить в четвертое, в пятое измерение бытия. Так и происходили шаги (или скачки) человечества на новую историческую ступень. Современная установка, звучащая в каждом рекламном клипе ТВ для поколения *пепси* – «Здесь и сейчас». Она направлена на то, чтобы лишить человека этой способности черпать силы, выходя в иное измерение. Ту же роль играют высоколобые теории деидеологизации.

Как и религиозная вера, живая, действенная идеология служит фактором, объединяющим народ или хотя бы его наиболее активную часть. Для этого она должна выявлять и формулировать в понятных и приемлемых для народа словах и образах актуальную картину мира и духовные, смысловые установки, т. е. ответы на вопросы: что хорошо и что плохо, что есть героизм и доблесть, а что – непростительная глупость и твердолобость или презренное предательство. И что самое важное, – должен быть ответ на вопрос: куда идти и что делать. Отличие идеологий от собственно научных теорий (даже тех социально-экономических теорий, которые лежат в их основе) именно в том, что идеологии содержат как обязательную, главную свою часть эти смысловые установки. Чтобы стать фактором истории, идеология, как и любое религиозно-этическое учение, должна возвысить те или иные социальные, нравственные ценности и символы до надличностного и даже надсоциального уровня.

Идеологий в обществе бывает несколько. Чем лучше духовно-этические установки идеологии соответствуют коллективному бессознательному народа (и значит, к ним больше доверия) и чем реалистичнее указания, что делать, – тем большую активность породит такая идеология.

⁷ К. Маркс всегда осознавал, что идеология может играть смыслообразующую роль в истории, роль духовного ориентира. Уже в «Экономико-философских рукописях 1844 года» читаем: «Коммунизм... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он решение загадки истории» [25, с. 116].

⁸ Правда, в последнее время появились эффективно действующие политико-информационные технологии, позволяющие создавать ощущение *невыносимости* жизни искусственно, чтобы спровоцировать начало цветной революции. Вспомним фильмы и статьи известных деятелей советской науки и культуры в годы перестройки, которые убеждали: «Так жить нельзя!».

логия. Их противостояние, конкуренция между ними – это нормальное состояние общества. Но чтобы борьба, конкуренция была плодотворной, не вела к взаимному уничтожению и к пустыне бездуховности, тотальной аморальности и криминальной этики, – для этого представители разных вероучений и идеологий должны, по крайней мере, понимать друг друга, понимать, в чем они близки или едины и чем они различаются. Для этого необходима единая для данного общества система координат, неких базовых принципов, которая лежит в основе любого взаимодействия (часто «по умолчанию»). Примеры таких базовых принципов: уважение к тому, что партнер (хоть и идейный противник) считает священным; недопустима прямая ложь и криминальные методы воздействия на противника. Но прежде всего, должен существовать общепризнанный, для всех понятный язык. Возникновение или обновление идеологий в существенной мере связано с обновлением и преобразованием *языка*. В языке появляются новые слова, старые обретают новые смыслы и ассоциации.

Рационально-логический (а еще лучше – математический) аппарат познания и коммуникации является таким общепризнанным языком. Методология верификации научных теорий и высказываний, требование их рационально-логической увязки и в идеале их формализации на едином для всего человечества языке математики была выработана в основном в естественных науках. Она придала и этим наукам свойство общезначимости, а их результатам – статус общепризнанных истин. Эта методология и этот язык хорошо выполняют задачу создания единой понятийной базы. Но они годятся лишь для ограниченной сферы смыслов. Этот аппарат не способен отражать те аспекты и оттенки смыслов, за которые ответственны иные функции психики, кроме мышления. Задачу выработки единой базы, позволяющей обеспечить взаимопонимание в пределах всего духовно-интеллектуального пространства, ставит перед собой особый вид деятельности, особый институт – *философия*.

История показала, что жизнеспособность, действенность идеологии и выполнение ею своей смыслообразующей функции определяется далеко не только интеллектуально сформулированными и вербально выраженными текстами. Она определяется всем контекстом культуры и традиций общества. Поэтому при обсуждении смысловых проблем не обойтись без понятия **духовности**, которое учитывает помимо теоретико-идеологических факторов, факторы религиозные, нравственные, эстетические. В то же время отнесение слова *духовный* только к сфере религиозной жизни представляется излишне узким. Необходимо единое понятие, позволяющее охватить такие феномены духовного подъема, как экспансия религиозного учения и, скажем, небывалый энтузиазм научно-технического освоения мира в последние столетия, большей частью на атеистической основе (см., также [2, с. 63]).

Само формирование научного мировоззрения и его распространение и утверждение в интеллектуальной сфере и затем преобразование всего уклада жизни человека на основе науки и техники является примером такого подъема и исторического свершения. А разве великий подъем технического творчества и трудовые подвиги как руководителей производства, так и рабочих коллективов в Америке, в Германии, в СССР не могут быть поставлены в один ряд с подвигами создателей и мучеников христианской церкви, исламского, иудейского и иных вероучений? Парадоксальный факт состоит в том, что благодаря монопольному доминированию научного мировоззрения эти духовные сущности оказались вытесненными из основного поля, как теперь принято говорить, интеллектуального дискурса. Очевидна необходимость создания единой методологии, единой «сети» философских категорий, с помощью которой можно обсуждать любые духовно-идеологические концепции, разнообразные проявления Духовности, которые стали бы единой базой для интеллектуальной работы человечества.

Такое использование термина можно назвать духовностью в широком смысле. Потому что необходимо еще и понятие духовности в узком смысле, которое связано с наличием в том или ином культурном или идеологическом феномене сакрального, священного содержания, отличающегося от повседневного, бытового, банального. Этот аспект в искусстве хорошо выра-

зил известный польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси во время недавней встречи с председателем Синодального информационного отдела Русской Православной Церкви Владимиром Легойда (см. www.pravmir.ru): «В Италии видно, что там в храмах много интересных произведений искусства. Но люди среди этих хороших произведений находят только некоторые, перед которыми им удобно молиться. Сколько великолепных Мадонн висит в польских костелах, а перед ними никто не молится... если в искусстве нет тайны, то это уже не искусство. Это «кич»... Что-то исчерпалось. Все напряжение, которое нас привело к стольким произведениям искусства, науки, политики, все это прошло. Все стало банальным. Любовь – банальная вещь, пища – банально, безопасность – банально». Снижение уровня произведений искусства и художественной литературы по глубине их эстетического и эмоционального воздействия по сравнению с XIX или серединой XX столетий, видимо, можно связать с доминированием рационально-прагматического элемента в европейской культуре и иссяканием духовности в узком смысле.

О Смыслах истории. Человек обладает огромным набором способностей. И каждое из них может быть основой специального направления развития, поскольку в человеке заложено стремление к совершенству. И это стремление для многих становится смыслом и главной духовной основой существования. История много раз доказывала неизбежность смены «сверхценного», одномерного направления неожиданно возникавшими новыми ветвями на древе смыслов развития. Вспомним в качестве примера, как в XVII–XVIII вв. в центре Европы, поглощенной междоусобными войнами и атмосферой первоначального капиталистического накопления, суровую Германию вдруг охватывает всеобщая страсть к музыке. В каждом доме вечерами играет маленький семейный оркестр, появляются все новые композиторы. Большинство из них потомки не помнят, но появились и величайшие вершины, формирующие само понятие человеческой культуры.

Категория развития необходима, чтобы история имела Смысл. Человек обладает огромным разнообразием возможностей развития. И потому радикальные традиционалисты, требующие неперемennого возвращения к прежним Смыслам и символам, – они заслуживают уважения и часто восхищения, но они только часть, лишь одна сторона сложнейшей системы, называемой *Человек*. Некоторые из таких возможностей возвышаются до уровня сакральных символов или идеологических целевых установок, порождают пассионарные подъемы и новые направления исторического развития.

В эпоху Просвещения в Европе, а затем и во всем мире утвердилось представление о нормальном состоянии человечества как о постоянно развивающейся системе. Важнейшей целевой установкой и смыслом деятельности стал символ **Прогресса**. При этом Прогресс, понимается, в первую очередь, как экономический рост, в лучшем случае, как научно-техническое развитие и распространение образования. Утверждение в обществе такого прагматического критерия Прогресса стало едва ли не главным достижением европейского Модерна. Одним из важных свойств этого критерия является возможность его количественного измерения. Несмотря на несовершенство рыночных цен как измерительного инструмента, высокий уровень ВВП (валовой внутренний продукт) в стране несомненно свидетельствует о материальном достатке ее жителей и достаточной комфортности условий проживания. Доводя до предельного упрощения, можно сказать: тот общественный строй лучше, где выше ВВП (при прочих равных условиях!)

Все это так. Но, когда какая-то целевая установка становится безраздельно доминирующей, когда она заслоняет и подавляет иные смыслы, – это вовсе не возвышение Человека, не увеличение богатства жизни, не расширение его возможностей, а наоборот, обеднение и сужение его Бытия⁹. Простое и однозначное определение развития – это только временное явление,

⁹ Именно это происходит сейчас с системой ценностей капитализма и более широко – с монопольно доминирующей мате-

так сказать, счастливая историческая случайность. Это давно поняли философы. Обзор дискуссий о категории развития см., например, в [3].

Для обсуждения проблем идеологий и их развития целесообразно классифицировать их по приоритетной смысловой, ценностной установке. Можно предложить следующее деление на три группы¹⁰:

1) материально-прагматические установки,

2) социально-этические ценности,

3) ценности и смыслы культуры, познания (интеллектуальное освоение), национальные, религиозные. (Эта последняя группа труднее всего поддается формальному определению. Возможно, ее следует описывать и структурировать с помощью категорий юнговского психоанализа – коллективное бессознательное, архетипы, сверх-Я, или связанных с категорией стереотипов межличностного общения).

Дух и материя, идеалы и интересы. Смысловые и ценностные системы идеологий, как правило, конкретизируют, или в значительной степени просто повторяют установки, сформировавшиеся в процессе развития мировых религий. Хотя основные идеологии, созданные в Европе в период формирования культуры Модерна, напрямую не связывают свои установки с христианством, однако их в значительной мере можно рассматривать как конкретизацию, «развертку» религиозных смыслов в сферу социально-политических и экономических проблем. Это легко прослеживается в идеологии коммунизма («развертка» православия) и либерализма («развертка» протестантизма). Националистические идеологии в христианских и исламских странах чаще всего специально подчеркивают свою связь с исторической традицией и доминирующей религиозной конфессией.

Различие и борьба двух смысловых начал, Духа (идеалисты) и Материи (прагматики) – это вечное противоречие и вечная движущая сила всей человеческой Истории. Эта борьба приобретает разные облики и проявляется в разных видах человеческой активности. В разные периоды побеждает, доминирует то одно, то другое начало. И всегда человек при победе того или другого, по своей ограниченности, по своему несовершенству не способен вовремя остановиться на их гармоничном равновесии. Победившее начало продолжает уничтожать все, что мешало его господству, и просто все, что для него чуждо, – и становится символом реакции и подавления новой Жизни.

Разграничение в понятиях материально-прагматической и духовно-смысловой сфер в жизни общества всегда было и остается достаточно условным и проблемным. Такое разграничение приобретает особое значение в условиях современного духовно-идеологического кризиса, когда смысловая и институциональная система капитализма все больше подвергается сомнению и теряет свое безраздельное доминирование. Оно приобрело важное значение в осмыслении исторических процессов благодаря беспрецедентному повышению роли материального производства с возникновением экономической цивилизации в Европе. Оно дало возможность Марксу и Энгельсу положить начало превращению истории в науку (с формулировкой определенных закономерностей и причинно-следственных связей, поддающихся эмпирической верификации).

Еще важнее, что материалистическая установка была поднята до уровня высших духовно-идеологических «аксиом» и целей развития. Марксизм сыграл важную роль в оправдании и утверждении на целые столетия приоритета материализма в общественном сознании, в идеологическом обеспечении великого научно-технического и экономического рывка чело-

риально-прагматической установкой.

¹⁰ Предложенные здесь характеристики идеологий аналогичны списку характеристик (потенциалов) социальных систем, приведенных в статье Ю. Н. Гаврилыца [19].

вечества. Но в бытовом сознании слово «материалист» сохранило негативный оттенок образа приземленного прагматика, озабоченного эгоистическими интересами.

Альтернативой вроде бы несомненной ценности материального богатства, комфорта, благосостояния и определяющей роли отношений собственности служит сфера ценностей непосредственного неформального межличностного общения¹¹ и приоритетных социально-этических норм. Христос показал, что любовь к ближнему может и должна быть в ранге высших ценностей бытия и целей деятельности. Марксизм поставил вопрос о преодолении несправедливости в общественном положении классов, распределении между ними общественного продукта, возможностей для развития.

Исторический опыт показывает, что ценностные системы, базирующиеся как на материалистических ценностях и установках, так и на приоритете социальных норм, могут быть связаны не с положительной, *объединяющей*, а с *разделяющей* установкой, порождающей разрушительные тенденции в обществе (подробнее см. в разд. 2.4). Эта разрушительная тенденция наиболее часто проявляется в связи с материалистической установкой как обеспечение приоритетного доступа к материальным ресурсам для одного, выделенного, *избранного* субъекта (индивида, группы, нации и т. п.) с психологическими и духовными символами воли и власти. Для предотвращения разрушительных результатов, для направления усилий и мотиваций в русло созидательной гармонии, человечеством на протяжении тысячелетий вырабатывались смыслы и нормы культуры и цивилизованного поведения, международного права и т. д. Крупные сообщества не могут существовать без духовно-идеологического фундамента, обеспечивающего их идентичность.

Большинство религиозно-этических учений (в первую очередь христианство) считают преодоление преимущественного, доминирующего положения материально-прагматической системы ценностей необходимым условием для совершенствования человечества. Как философы и культурологи, так и психологи, исследующие различия западноевропейской и российской цивилизаций, утверждают, что цивилизационное отличие России связано, в первую очередь, с высокой ценностью неформальных межличностных отношений, социальной солидарности и справедливости (более подробно см. в разд. 2.5).

Распространение капитализма и индустриального развития на западные страны, а затем и пример успеха первого социалистического государства стали для многих из них цивилизационным вызовом. С их выходом на арену современной истории и возникновением многополярного мира, появляется необходимость существенного обновления того набора факторов, которые надо считать ведущими, определяющими исторический процесс: дополнить его факторами духовно-идеологической природы. Иными словами, философия истории требует дополнения исторического материализма – «историческим идеализмом». Необходимо преодолеть «родовую травму» марксизма¹² – его жесткий материализм. В середине XIX века (а для многих – и сейчас) капиталистическая система представляется непобедимой (или даже единственной, соответствующей законам природы). Так оно и есть, если оставаться в кругу материалистических (экономических, политических, военных) факторов и сил. Важнейшая сила, которая могла бы противостоять ее торжествующему шествию по планете, с помощью которой можно «захватить эту крепость», – это сила Духа. Смысл жизни человека «не в хлебе едином». Капитализм отбросил эту силу, и в этом его гибель. Маркс выявил эту слабость капиталисти-

¹¹ Антуан Сент-Экзюпери, этот удивительный цветок, чудом выросший среди суровых войн и выжженных земель европейской духовности XX века, вовсе не ради красивого слова писал, что единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения.

¹² В 1950-е годы говорили о «родимых пятнах» капитализма. Но это скорее родовая травма марксизма и коммунизма, поскольку он зародился и появился в лоне европейского Модерна, восприняв от него его атеистическую, материалистическую составляющую. Сейчас наступает не только кризис, но и конец однополярного мира в его геоэкономическом, геополитическом и идеологическом планах.

ческой системы. Идеология коммунизма подняла то знамя борьбы Христа против Мамоны, против безраздельного господства демонов наживы, которое выбросил капитализм. Марксизм понял, что дни великого Духа капитализма сочтены. Но «своя своих не познаша».

Теперь настало время восстановить единство духовно-идеологической истории. Грядущий многополярный мир – это возможность объединения великих духовных движений прошлого с ценностями и Смыслами европейского Модерна и социализма. Наступает время красного ислама, монархического социализма, теологии освобождения, конфуцианского китайского коммунизма. Алеет Восток!

Если «ось» идеологического противостояния XX века *социализм – капитализм* сменится «осью» *глобализм – многополярный мир*, будет ли это означать, что марксизм и идея социализма остаются в прошлом, что они исчерпали свой потенциал как движущая сила исторического развития? По нашему мнению, как идею глобализации можно считать новой фазой капитализма, так же и идеологию многополярного мира можно рассматривать как развитие, адаптацию к новым мировым проблемам идеологии марксистского социализма. Новый многополярный мир как идеология большинства, противостоящая его отделению, отчуждению его от Истории, от Прогресса, «вырастает» из марксистского социализма так же, как марксистский социализм «вырастает» из идеологии христианства.

Может ли человек «управлять» процессами в духовно-идеологической сфере? Сейчас успешно разработаны механизмы для манипулирования общественным сознанием. Но это совсем не то, что можно назвать управлением духовными подъемами. Человечество не умеет инициировать возникновение «по заказу» новой духовности, нового направления человеческого творчества в важнейших областях жизни.

Пока неизвестно никаких общих закономерностей того, как возникают и угасают духовные подъемы. Возникают ли они с появлением «откуда ни возьмись» харизматического духовного учителя? Может быть, «призрак коммунизма» стал реальностью и начал бродить по Европе, только когда Маркс и Энгельс создали коммунистическое учение? Нередко появляются обобщения такого типа: пророков и духовных вождей Господь посылает в периоды предельного религиозного упадка и нравственного разложения народа. Например, иногда так описывают состояния арабских городов перед приходом Мухаммеда. Однако такие утверждения относительно конкретных исторических событий, несомненно, заслуживают непредвзятых исследований историков. Надо учитывать скудость сведений о давно ушедших временах. И возможность злободневной политической ангажированности авторов. Судя по хорошо известным и исследованным временам, ознаменованным появлением гениев в литературе, музыке, науке, скорее можно предположить, что перед появлением создателя нового духовного учения в течение некоторого времени в обществе нарастает напряжение, концентрация внимания к большой проблеме, надежд и ожиданий. Пушкин появился тогда, когда все дворяне в России писали стихи. Моцарт, Бетховен, Шуман – когда в городах Германии и Австрии каждая семья еженедельно устраивала семейное музицирование.

Если «*пассионарному взрыву*» (по Льву Гумилеву) предшествует период постепенного нарастания напряженного ожидания и духовных поисков, это не противоречит утверждению об углублении нравственного разложения и упадка. Эти поиски и ожидания как раз могут быть ответом, реакцией на прогрессирующее нравственное разложение. Элементы нового мироощущения, если они радикально отрицают господствующий порядок, созревают в катакомбах, поиски ведутся в подполье. Для революционеров и реформаторов, для всех жаждущих перемен исключительно важны исторические образцы, подсказки, аналогии. Несомненно, история и теория пассионарных энергий и взрывов, духовных подъемов и упадков становятся самым актуальным направлением исследований.

Несколько более поддающимся волевым усилиям, более «управляемым» можно считать процесс развития теорий, работу интеллектуалов по обобщению, рациональной формулировке

и прояснению сдвигов – в сознании общества, в его культуре, в его духовности. Преодоление современного духовно-идеологического кризиса, скорее всего, начнется с создания и утверждения новой идеологии и обновления старых. Сейчас именно здесь возникают новые Смыслы, а не в искусстве и культуре, как в эпоху Ренессанса. Идеология – это только интеллектуально-мыслительная конструкция. Это еще не обновление всей духовности общества. Но эта работа, несомненно, крайне важна. Как говорил пророк, «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Богу. Всякий дол да наполнится, и всякая гора да понизится, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими» (Исайя, 40: 3–4).

1.2. Кризис или конец доминирования западной цивилизации?

Материально-прагматическая установка. Сейчас *кризис* – едва ли не наиболее часто употребляемое слово. Но чаще всего имеется в виду кризис финансово-экономический, только что окончившийся (по мнению иных, еще продолжающийся), который начался в 2008 году. Этот кризис так или иначе будет преодолен человечеством. (Более подробно о нем см. в разд. 3.5). Однако интеллектуальное сообщество упорно констатирует более серьезный кризис, признаки которого менее наглядные, трудно преодолимые, но которые проявляются во всех культурных и гуманитарных сферах (хотя его описания значительно различаются).

Причины современного кризиса невозможно понять, оставаясь только в круге социально-экономических и политических факторов. Это также кризис смыслов и целей человеческой истории, особенно остро проявляющийся в России, и в странах Запада, – упадок религий и идеологий, период бездуховности. Безвременье.

В последнее время резко ускорились процессы изменений в экономико-технологической, институциональной, интеллектуальной сферах. И слово «кризис» по широте употребления стало плохо отлечимо от обозначения глубоких перемен и поворотов, происходящих в разных секторах жизни. Происходящих на протяжении разных по длительности отрезков времени, разных по значимости для страны. Перечислим коротко те из них, которые были достаточно выявлены в общественном сознании и в работах социологов, культурологов и других интеллектуалов. И затем постараемся выделить наиболее важные, судьбоносные для развития духовно-идеологической сферы и всей истории человечества.

Геополитика и геоэкономика. Сформировавшийся после крушения СССР однополярный мир с политикой глобализации постепенно теряет свое монопольное положение. Запад уступает свои позиции незападным «полюсам» силы и влияния.

Идеология. Теряют силу или обновляются универсальные идеологии – социализм, либеральный фундаментализм. Усиливаются национализмы, связанные с оживлением традиционных культур и религий.

Политэкономическая система, роль институтов.

Тенденция усиления господствующей роли финансовой системы и финансово-ценового механизма управления за счет сокращения роли государства, – эта тенденция сменяется на обратную тенденцию укрепления роли национальных государств и региональных союзов (и в политике, и в экономике).

Доминирующие психологические типы в культуре.

Рационально-волевой тип сменяется на интеллектуально-интуитивный¹³. Открытость и восприимчивость к новому уступает место интересу к традиции, к прошлому.

Наука. Усиливается внимание и интерес к общественным и гуманитарным наукам. Целью науки становится по преимуществу не поиск объективных закономерностей, а разработка технологий для конструирования политики, решения производственных и иных прикладных задач.

Философия. Доминирование научного мировоззрения (материализма и позитивизма), как по проблематике, так и по выводам, сменяется направлениями, близкими к экзистенциализму. Размывается барьер между наукой и теологией.

Экономическая теория. Идеологическое противопоставление рынка и плана, частной и государственной собственности сменяется поиском их эффективного сочетания.

¹³ Известный культуролог Андрей Пилипенко обосновывает тенденцию к смене *логоцентрического* типа мышления и культуры на *интуитивно-образное, экранное* сознание.

В настоящем разделе внимание концентрируется на идеологическом кризисе. Современную ситуацию часто называют идеологическим вакуумом. Необходимы новые идеологии или серьезное обновление старых. Трудность преодоления идеологического кризиса связана и с тем, что в последние столетия, особенно в последние десятилетия, беспрецедентно ускорилось течение истории. Быстро меняется ее «ландшафт» (сцена). Меняются субъекты (актеры). Стремительно меняются и ценностно-смысловые проблемы и установки, о которых шла речь в предыдущем разделе. В отличие от предшествующих столетий, знания ученых людей не успевают откристаллизоваться в более или менее стабильную картину, подобную марксизму или теории цивилизаций¹⁴.

Этот смысловой, идеологический кризис остро ощущает творческая элита в литературно-художественной сфере. Действительно, в этой сфере сейчас нет великих творений. Но, может, прав Маяковский: «Вот поэтов, к сожалению, нету. Но, быть может, это и не нужно». Или прикажете верить, что через 20–30 лет все поймут, каких великих писателей и режиссеров мы потеряли, не сумев, как всегда, оценить современников? Но главное: воспринимает ли драматически духовно-идеологический кризис большинство человечества?

Важнейшим признаком кризиса является безраздельное доминирование этой установки, ведущее к вытеснению Высших Смыслов и Идеалов и, как следствие, деградации этических норм и во внутренней жизни стран, и в международных отношениях. По мнению едва ли не большинства крупных философов, одной из причин нынешнего духовного кризиса является излишне прагматическое, рационально-волевое отношение человека к миру. Эта установка на заре капиталистической эры захватила большую часть общества как стремление обеспечить себе и своей семье элементарные физиологические условия жизни. Будучи обращенной к наиболее активной части общества эта установка превращалась в стремление к безграничному обогащению, поскольку в институциональной системе капитализма именно богатство является мерилем и средством обеспечения власти и общественного статуса. Но материально-прагматическая установка капитализма давно не удовлетворяет творческую элиту. Теперь и «слишком материалистический» вариант социализма потерял свою силу.

Материально-прагматический Смысл стал доминирующим только в последние столетия, когда в Европе утвердился **экономическая цивилизация**. Это удачное определение, данное Ю. М. Осиповым [10] для той системы ценностей, которая возникла в Европе в конце Средних веков и поставила на приоритетное место цели и критерии экономического успеха и обогащения. Деньги становятся высшей ценностью, вытесняющей и замещающей все остальные: ценности превращаются в цены, качественные различия – в количественные, свобода личности – в свободу продавать и покупать. Возможности достижения большого успеха в экономической сфере стали размывать все связи и ограничения в других сферах общества, замещая их нормами и критериями из сферы экономики. Экономическое хозяйство развивалось, подчиняя себе все остальные стороны жизни общества. Впоследствии на его основе постепенно сформировался капиталистический уклад (см. разд. 2.1).

Этот духовный, смысловой поворот, произошедший в период позднего средневековья в Западной Европе, представляется парадоксом для историков культуры и религий. Удивительно то, что в рамках христианской религии, изначально осуждавшей стремление к богатству и материальному успеху и подтверждавшей это на протяжении тысячелетия (почти всех Средних веков), родилось мировоззрение, которое фактически освятило даже религиозной санкцией превращение этого стремления во всепоглощающую страсть. Народы, только что возводившие во имя любви к Богу сотни готических соборов, поражающих воображение даже человека XXI

¹⁴ Правда, социологи из секретных и несекретных лабораторий успевают понять происходящее настолько, чтобы создать эффективное оружие для провоцирования и реализации цветных революций. Эти разработки пока не могут стать основой, скажем, обновления идеологии глобализма, поскольку их авторы не декларируют и не афишируют общенсторических или общедуховных смыслов и целей, во имя которых они работают.

века размером, красотой, гениальностью архитекторов, инженеров и строителей, – эти народы подчиняют все свои помыслы и стремления накоплению денег и земных богатств.

Даже отношения с Богом строятся по типу юридических коммерческих отношений между людьми (учение об удовлетворении Богу за грехи архиепископа Ансельма Кентерберийского, что Бог ждет от человека удовлетворения за его грехи, было подтверждено Тридентским Собором 1545–1563 годов, см. [4], [5]). В XIV–XV веках Церковь и папы продают индульгенции как отпущение земных и загробных наказаний за грехи, причем даже родственникам и друзьям умерших, души которых находятся в чистилище. Здесь полностью пропадает момент раскаяния и исповеди грешника. В индульгенции точно указывался срок, на который она сокращает чистилищные муки: 40 дней, год, 100 лет и т. п. Причем сроки эти зависят не от внутреннего состояния грешника, а единственно от воли того, кто ее устанавливает. (Подробнее см. [6, разд. 3]).

Ярче и короче, чем философы и культурологи, возникновение экономической цивилизации в Западной Европе выразил поэт. Вот слова гётевского Фауста перед смертью, как конечный итог его жизненного опыта:

*«Брось вечность утверждать за облаками,
Нам здешний мир так много говорит!
Что надо знать, то можно взять руками».*
(*Was er erkennt, lässt sich ergreifen*)
*«Я этот свет достаточно постиг.
Глупец, кто сочинит потусторонний,
Уверует, что там его двойник,
И пустится за призраком в погоню».*

Когда материально-прагматическая установка вытесняла все «идеальные» смыслы жизни, это тоже воспринималось как кризис. Чаще всего симптомы этого кризиса обозначали как нигилизм. В европейской культуре это понятие утвердилось, благодаря И. С. Тургеневу и выходу его романа «Отцы и дети», как отрицание любых прекрасных идей и Идеалов, традиций и принципов, принятых норм и авторитетов, – отрицание во имя утилитаризма и материализма.

В XIX–XX веках реальной альтернативой экспансии экономической цивилизации стали идеология коммунизма и социализма, основанная на приоритете социально-этических ценностей¹⁵, и блок социалистических государств. Идеологическая и политическая конкуренция двух полюсов биполярного мира была серьезной опорой, гарантом от деградации морали и права как во внутренней жизни стран, так и в межстрановых отношениях. После крушения СССР власть денег и финансовой системы резко усилилась. Идеологическая и политическая монополия Запада во главе с финансовой олигархией привела к существенной деградации духовно-идеологических Смыслов и, как следствие, морали и права.

Сейчас непомерную власть над миром приобрела идеология отказа от высших Смыслов бытия, которые требуют поиска и осмысления Божьего Замысла и служения ему, идеология отказа от Веры. Многие черты постмодернизма в значительной мере характеризуют общую современную ситуацию в духовно-идеологической сфере: иронично-циничное отношение к любым идеям и смыслам, образам и символам, еще недавно порождавшим великую общественную энергию и сейчас еще остающимся значимыми и даже священными для большей части людей, его стремление показать отсутствие разницы между добром и злом, между истиной и ее симуляцией.

¹⁵ См. также об идеологиях разделяющих и объединяющих в разд. 2.4.

По глубине и важности для истории современный духовно-идеологический кризис можно сравнить с ситуацией в странах Средиземноморья и Ближнего Востока в течение нескольких столетий перед Рождеством Христовым и нескольких столетий после Рождества, пока шел процесс консолидации церкви, канонизация и распространения христианского учения. Тогда возникало множество религиозных учений, различающихся верой в единого Бога или множество богов, в доброе или злое божество, создавшее этот мир, отношением к существующим властям и т. д. Возникали различные философские школы, делающие акцент на неспособность получения человеком достоверного знания (скептики), на этике с целью достижения бесстрастия, апатии, отсутствия страданий (стоики), на отказе от любых социальных и культурных правил и установлений (киники). Общее впечатление от духовных и философских движений той эпохи, не связанных с христианским учением, можно охарактеризовать как уход от активной жизни, отчуждение от смыслов бытия, пессимизм, упадок духа. Перечисленные выше черты постмодернизма сближают его с ситуацией той, «предхристианской» эпохи.

Закат империи? Эффективность капиталистической конкуренции определяется стабильностью институциональной системы, которая в свою очередь зависит от *доверия* субъектов друг к другу, к надежности долгосрочных контрактов и даже неоформленных соглашений («купеческое слово»), от стабильности моральных и правовых норм. Разрушение всеобщей атмосферы доверия подрывает интерес инвесторов к долгосрочным проектам и общую целевую и мотивационную установку на долгосрочный экономический рост, т. е. фундамент всей экономической цивилизации.

К отбрасыванию норм и ограничений морального, а затем и правового характера мировую властвующую элиту (прежде всего американскую) толкает также явное ослабление экономических позиций лидирующих стран капитализма по сравнению с развивающимися странами (прежде всего с Китаем) и растущий антиамериканизм. Вырисовывается реальная перспектива потери ее господствующего положения в мире. Наиболее агрессивные круги готовы его отстаивать путем развязывания региональных войн, создающих риск мировой катастрофы с использованием самых разрушительных видов новейшего оружия. Разрешение кризисов в истории нередко происходило мирным путем. Но может принимать и взрывной, революционный характер, характер религиозных и идеологических войн. Современный идеологический кризис пока проявляет себя скорее в виде апатии и безразличия к высшим смыслам бытия.

Западная элита трансформировала идеологию капитализма в задачу глобализации всей экономической и политической структуры на основе этой идеологии. Возможно, это даст некоторый экономический эффект. Но идеология глобализации остается полностью в рамках капиталистической смысловой системы. Элита не может предложить человечеству новой духовности, нового образа Будущего, порождающего пассионарную энергию Прогресса. Даже без специального анализа политологов становится все более очевидным, что главной целью и «сокрытым двигателем» мирового Центра, хозяина однополярного мира служит обычное для близких к закату великих империй стремление укрепить и сохранить свое господство — любыми имеющимися средствами.

В книге Василия Галина [18] собран богатый и очень убедительный материал относительно экономических и политических тенденций и факторов движения западной цивилизации к своему закату. В частности, в ней приведено исследование — сопоставление многовековой эпохи последовательной деградации, заката империи Древнего Рима и современного состояния стран западной цивилизации, в частности, США [18, с. 285–313]. Собрана исключительно наглядная и убедительная галерея фактов, образов, а также высказываний античных историков и философов, характеризующих восприятие этих процессов представителями тогдашней элиты, которым «выпало в империи родиться».

Проблема единства человечества. Капиталистическая система и политика глобализации не могут решить проблему расширяющегося разрыва в экономическом и политическом

положении разных социальных и цивилизационных частей человечества, проблему, таящую угрозы для самого его существования. С развитием капитализма неравенство между бедными и богатыми в возможностях реализации своего человеческого потенциала только увеличивалось. Квинтильный коэффициент распределения по доходу – отношение среднего дохода 20 % самых богатых жителей Земли к 20 % самых бедных. В начале 1960-х годов он был равен 30, к началу XXI века он достиг 75 раз и продолжает расти. Власть узкого слоя элиты подтверждает и распределение богатства. В США 1 % сверхбогатых владеет 35 % совокупного богатства. В конце 90-х годов 500 крупнейших транснациональных корпораций обеспечивали более 25 % мирового производства товаров и услуг. Их доля в экспорте промышленной продукции составляла свыше 1/3, в торговле технологиями и управленческими услугами – свыше 4/5, 407 из них – из стран «Большой семерки» [28].

Этот разрыв, или раскол человечества имеет далеко не только экономические причины. В работе [29] описаны социально-административные условия современной жизни периферийных стран (см. также [30, глава 2]). Важнейшими, несомненно, являются и различия культурно-цивилизационные (см., например, [6, разд. 4.5]).

Капитализм и его материально-прагматическая идеология вызвали колоссальный пассионарный подъем и оказали огромное воздействие на развитие человечества. Результатом стали великие достижения в науке, технике, экономике, культуре. Но человек, в силу несовершенства своей природы, всякое движение доводит до пределов разумного и всегда проходит дальше за эти пределы. Начав с провозглашения свободы и равенства, капиталистическая система к настоящему времени превратилась в мировую централизованную империю. Ее центр состоит из нескольких сотен финансово-промышленных групп (ФПГ, а точнее, как правило, финансово-политических групп) и банковских групп, связанных друг с другом перекрестным владением собственностью и контролирующими все остальные компании в мире (или из «300 семейств», по свидетельству Колемана [31]). Их представители регулярно собираются для координации своих важнейших решений (например, ежегодные собрания Бильдербергского клуба). Эта мировая экономико-политическая монополия обладает такой властью, какой не обладала ни одна империя в прошлом (поскольку не имела технологий манипулирования общественным сознанием).

В экономической сфере лозунг *освобождения* приобрел однозначный смысл освобождения от излишнего вмешательства государства в экономику. В условиях беспрецедентной власти глобальных монополий и мировой финансовой олигархии, освобождение от государства чаще всего вовсе не означает шага к *свободной конкуренции*, а означает переход экономических организаций от контроля национального государства под контроль транснациональных финансово-политических монополий.

Разрыв между властвующей элитой и остальным населением давно осознан человечеством. Периодически внимание к нему обостряется в кругах экономистов и политиков. Так в 1986 году был проведен анализ собственности на пакеты акций американских корпораций одной из подкомиссий сената США. Полученные данные показывают, что в 122 крупнейших корпорациях, совокупный акционерный капитал которых составляет около половины рыночной стоимости всех акций, обращающихся на фондовых биржах, контрольные пакеты принадлежат 12 финансовым институтам (главным образом банкам). Ведущим из них выступает «Морган гаранти траст», контролирующий 21 основную компанию и разделяющий с 4 другими владельцами контроль еще над 56 такими компаниями [27, с. 107].

Обычно для распределения населения по доходам и богатству используют образ пирамиды – здания с широким основанием и узкой вершиной. Современное распределение более похоже не на египетские пирамиды, а на московские «сталинские высотки» с вытянутыми вверх шпилями.

В последние полвека достигли беспрецедентных успехов наука и разработка политических и информационных технологий по манипулированию сознанием целых народов (прежде всего, с помощью телевидения и интернета). В 70-е годы была разработана целая теория «политики ненасильственных действий и методов ненасильственных действий» (Джим Шарп), а позже – теория управляемого хаоса. На основе этих теорий создано «организационное оружие», которое давно прошло экспериментальную проверку и успешно применяется для провоцирования межгосударственных конфликтов и гражданских войн, для решения геополитических задач.

Информационно-концептуальные воздействия использовались на протяжении всей истории, но всегда носили характер вспомогательных или эпизодических, ситуационных методов. В большинстве наиболее важных ситуаций они рассматривались как подготовительные или сопровождающие для силовых, собственно военных действий. В последние 10–20 лет (в частности, благодаря охвату информационным воздействием в определенном смысле всего населения Земли) мы видим постоянное (так сказать, фоновое) «облучение» стран – потенциальных противников из всех информационно-идеологических орудий. Будучи массово применяемо (если надо, подсказываемо через интернет и СМИ), это облучение может довольно быстро разрушить сложившуюся систему базовых культурно-идеологических представлений и ценностей народа (постепенно оно приводит к тому, что Сергей Кара-Мурза называет демонтажем народа). Но главное – систематическое использование однотипных методов воздействия на внутрисполитическое положение с целью смены режима и устранения от власти лидеров, не приемлемых для Запада (оранжевые революции).

Нередко возможности информационного воздействия на массы и элиты с помощью телевидения или интернет-сетей рассматриваются как главный фактор управления политическими событиями. После катастрофы 1991 года в России многие говорили: в чьих руках ТВ, тот и побеждает, главная задача – создать корпус патриотических журналистов. Это, конечно, верно. Но только в краткосрочном плане. Фундаментальный вопрос: есть ли достаточно убедительная и глубокая идеология, к которой будут переходить прозападно настроенные журналисты и политики? Национальный, патриотический подъем, как мы сейчас видим, может решить эту задачу. Но он тоже не решит главных проблем. Без более широко и глубоко разработанной идеологии, мировые «манипуляторы» легко сталкивают народы в межнациональных конфликтах. Интеллектуалы и духовные авторитеты, – сейчас дело за вами!

Относительно проблемы разрыва между богатыми и бедными необходимо сказать, что за последние столетия она претерпела качественную метаморфозу. Раньше самым острым ее аспектом была проблема бедных, живущих на грани выживания, удовлетворения элементарных физиологических потребностей и непосильного труда, не оставляющего времени на развитие и на восстановление здоровья. Теперь, в результате технологического, экономического, политического развития, доля голодающих стала гораздо меньше и продолжает уменьшаться. Большинство имеет возможность трудиться в условиях ограниченного рабочего дня. Ценность богатства связана, как правило, не с удовлетворением физиологических потребностей, а с общественным статусом и престижем человека. А как обозначить ценность, служащую стимулом для того узкого социального слоя финансистов и политиков, которые по определению большинства исследователей, «владеют миром», оказывают определяющее влияние на ключевые события истории? – Это власть. Хотя большая часть из них вовсе не стремится к известности и публичности. Чаще всего их деятельность, принимаемые ими решения, покрыты тайной или, по крайней мере, секретностью, закрыты их имена.

По-видимому, нет надобности доказывать, что в условиях экономической цивилизации все методы и возможности контроля и власти, начиная с коррупции и фальсификации демократических процедур и кончая разработкой и применением новейших видов боевого и «организационного» оружия, неразрывно связаны с финансовыми возможностями государственных

и негосударственных субъектов власти. Учитывая современное распределение власти и богатства, надо сделать вывод, что теперь наиболее острой проблемой в отношении разрыва «богатые – бедные» стала **проблема ограничения богатства и власти узкого круга сверхбогатых.**

Где искать смыслы истории? Властвующая элита и «массы». Если рассматривать весь период капиталистического развития, то надо признать пригодной ленинскую формулу: «политика есть концентрированное выражение экономики». О содержании буржуазных революций пишут: это капиталисты, получив богатство и упрочив права собственности, боролись за власть. «Контрреволюцию» конца 1980-х – 1990-х годов в России интерпретируют как борьбу советской бюрократии за то, чтобы обменять власть на собственность. Относительно современной мировой финансово-политической олигархии следует сказать, что для нее увеличение власти и увеличение богатства достаточно легко взаимозаменяемы. За стремлением обеспечить власть и политическое влияние (скажем, на Ближнем Востоке) обычно кроются также экономические интересы. А выделение (скажем, из Федерального бюджета США) значительных финансовых средств на экономическое развитие той или иной страны, как правило, является частью проекта поддержки политических движений, лояльных мировому правительству, или американских агентов влияния. Поэтому удаление из университетских программ курсов политэкономии (см. разд. 3.1), отделение собственно экономических закономерностей от «фона» политических проблем неминуемо ведет к отказу от выявления «неудобных» фактов и фактически – от научного подхода к постановке и решению самих экономических проблем (поскольку научный подход требует всестороннего обсуждения).

В последнее время оживился интерес к описанию и объяснению социально-экономических ситуаций с помощью различий доминирующих типов личности (или типов поведения) участников тех или иных процессов в разных странах, в разных слоях общества. По аналогии с хорошо известным в классической теории образом *homo economicus* формируются образы человека политического, человека иерархического и т. д.¹⁶

Если тип *homo economicus* (образ индивида, лежащий в основе либеральной экономической теории), хорошо соответствовал поведению личности в Западной Европе эпохи Модерна, или точнее, эпохи экономической цивилизации, сменившей эпоху Средних веков, то в XX веке (с преобразованием капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм) возможно стоит выделить в специальный тип индивидов, действующих на высших ярусах монополистической иерархии (основная часть того слоя общества, который Райт Миллс назвал «властвующей элитой»).

Контролируемые ими масштабы финансовых средств обычно во много раз превосходят затраты на их личное потребление (даже с учетом «престижной» составляющей). Во всяком случае, трудно предположить, что главным стимулом их деятельности служит увеличение потребительских благ. Наоборот, анализ известных данных об исторических процессах не противоречит предположению, что главным мотивом для игроков на этом уровне общественной иерархии является «воля к власти» – стремление к расширению и укреплению своего влияния и влияния своей корпорации. Как уже отмечалось, среди средств, используемых для укрепления доминирующего экономического положения своей компании, также на первое место часто выходят факторы не экономические, а политические и связанные с ними. Поэтому естественно предположить, что на высших ярусах господствующим типом должен быть не *homo economicus*, а *homo politicus*. Это соответствует, видимо, и различиям психологических характеристик, констатируемым для разных уровней социальной иерархии.

¹⁶ Стоит специально упомянуть образ *homo institutus*, предложенный Г. Б. Клейнером [47, глава 2], который оказывается вполне плодотворным при описании разных типов социально-экономического устройства общества в разных цивилизациях.

Возможности крупнейших корпораций и финансово-промышленных групп, а также их финансовое положение, не определяются только тем сегментом рынка (отраслью, страной), к которой они «привязаны». Этого нельзя сказать о субъектах более низких ярусов. На низших уровнях монополистической иерархии фирмы (предприятия), как правило, не обладают такой мобильностью, и их рентабельность, их доходность в решающей степени определяется параметрами той отрасли и той страны, т. е. того сегмента рынка, к которому фирма привязана происхождением своих руководителей, профилем своих производственных фондов и т. д. Способности и активность менеджеров и собственников играют второстепенную роль. Социально-экономический и политический отрыв властвующей элиты от большинства народа делает актуальным вопрос о единстве человечества и о главном носителе Смыслов, ценностей, целей его развития. Среди левых интеллектуалов широко распространено недостаточно четко осознаваемое, но достаточно прочное убеждение, что главные проблемы могут быть решены, если удастся обеспечить реальное народовластие. Поскольку именно народ является носителем Правды: «Глас народа – глас Божий». Но как совместить это с фактом постоянного манипулирования общественным сознанием со стороны элиты?

В истории были периоды, когда именно действия большинства народа оказывались решающей силой, определяющей исторические события вопреки властвующим элитам. Таким был период конца XIX – начала XX веков, который испанский философ и социолог Хосе Ортеги-и-Гассет назвал «Восстанием масс». Он констатирует господство массы – ее морали (или аморальности), ее культуры (или бескультурия). «Средний человек почувствовал себя господином, хозяином жизни». Человек массы вышел «на арену истории». Он «выполняет те общественные функции, которые раньше были предоставлены исключительно избранным меньшинствам»; «массы перестали быть послушными этим самым меньшинствам, не уважают их, а наоборот, отстраняют и вытесняют их» [20, с. 124–125]. На деле это был период, когда значительная (левая) часть элиты понимала смысл своего исторического существования как борьбу за интересы большинства народа. В конце XX – начале XXI веков процесс глобализации, формирования мировой элиты проходит путем кооптации в ее состав национальных элит, путем отрыва их от своих национальных корней. Русский философ А. С. Панарин зафиксировал это в емком образе «народы без элит».

Когда речь идет о выборе экономических решений, в качестве целевого показателя (критерия оптимальности, как сказали бы теоретики оптимального планирования) большинство специалистов назовут повышение благосостояния большинства населения. В отношении цели и смысла истории никакого единогласия нет. Борьба между массой и элитой обостряется с конца XVIII века, с Великой Французской революции, которая носила четко выраженный антиаристократический характер. Идеологическим и научным оформлением этой борьбы стали социалистические учения. В ответ на это появились философские теории, обосновывающие господство элиты как носителя Культуры и Разума. Ф. Ницше создает свою систему ценностей, в которой существование народа ценно, нужно, «оправдано» только в той мере, в какой он порождает великих людей. В одной из самых ранних работ Ницше (1873–1874 гг.) читаем: «Как можно прославлять и возвеличивать народ только в его целом!.. Меня интересует единственно роль народа в воспитании великих личностей. Цель человечества – в его высших представителях» (цитируется по [21, с. 4]. Ницше можно понять, если вспомнить, как жестока и алчна может быть масса, как легко она поддается призывам лжепророков и «поводырей слепых». В памяти нашего поколения живы гражданские войны и разрушение институтов и устоев, обеспечивавших нормальную жизнь большинства, в «лихие 90-е».

А на что способны самые талантливые и интеллектуальные представители элиты, если они оторваны, отчуждены от жизни народа, от своей «грибницы»? Если жизнь элитных групп не наполняется болями, ожиданиями, энергией народа, – это по историческим меркам жизнь эфемериды. Они быстро умирают, «засыхают и отслаиваются, как болячки на коже. Такие

элиты похожи на тех ангелов в христианской теологии, которые не могут (не имеют права?) действовать сами в материальной, телесной среде, а могут действовать только через волю и дух человека. И потому люди ценнее для Бога.

Выход из этой кризисной дилеммы, видимо, можно искать только в создании (или обновлении) идеологий, объединяющих элитарные цели и смыслы развития с наиболее глубинными образами и архетипами коллективного бессознательного, с наиболее исторически устойчивыми нравственными традициями и идеалами народа (см. также разд. 1.4).

О путях выхода из кризиса. За кризисом должен наступить период, который можно назвать **эпохой поиска Смыслов**. Трагические и героические эпохи – это не эпохи поиска Смыслов. Это эпохи, когда Смыслы уже есть, они существуют, они непреложны. Каждый знает свою Правду. И борется за нее, или умирает за нее. Тем, кто еще не понял, с какой Правдой он сам, – тем приходится мучительно выбирать. Но таких меньшинство. Потом наступает эпоха отказа от Великих Смыслов, эпоха усталости (бремя Великих Смыслов – тяжело для человека): нам не важно, что есть истина, а что – заблуждение, что есть реальность, а что – иллюзия. Это эпоха сухой прагматики. Как пишет Юрий Мамлеев, «приди сейчас Христос, они и внимания не обратят». – Это наша эпоха. Только в темных глубинах сознания, на дне души еле различима тоска по жизни, исполненной Великих Смыслов, чести и доблести. До этой спящей тоски пробиваются только лучшие поэты и музыканты. Но это не конец света, а упадок духа, который всегда сменяется подъемом. Постепенно глухое недовольство становится различной и все более настоятельной потребностью не только для мистически чуткого, эмоционального меньшинства, но и для активной элиты, творящей экономические и политические события.

Если в ходе исторического развития меняется устройство общества, его проблемы и противоречия, а идеологи не успевают своевременно модифицировать, модернизировать идеологию и теории общественного развития, лежащие в ее основе, – идеология теряет свою энергию. Постепенно от нее может остаться только безжизненный догматизированный остов. Такой процесс многократно происходил в периоды ослабления великих империй. Так под покровом Римской империи, подчиняющей сердца и волю императивом Служения государству, возникали христианские общины и секты, близкие к христианству. Так в СССР любовь к С. Есенину, Н. Рубцову, В. Высоцкому с трудом пробивалась к официальному признанию.

Можно признать, что проблема удовлетворения основных физиологических потребностей теряет свою остроту. Но обостряется духовная проблема поиска смысловой замены стремления к материальному богатству, обостряется из-за ее связи с проблемами социально-экономическими. Прогресс ведет к сокращению потребности производства в рабочих. Постиндустриальные технологии позволяют производить большую часть благ с очень малым количеством людей, в основном, квалифицированных специалистов – управленцев, технологов, работников сферы обслуживания. В будущем глобальная элита перестанет нуждаться в остальной части человечества и сможет жить автономно. Ей нужно будет только, чтобы остальное человечество ей не мешало: не претендовало на ее имущество, не мешало пользоваться всеми природными ресурсами планеты. Возможно, прогресс технологий позволит ей обеспечить такие условия. И тогда эволюция человеческого рода пойдет по пути социальной, а затем и биологической дивергенции, распада на два племени, затем два вида, которые не умеют общаться друг с другом, поскольку слишком по-разному думают и чувствуют и не умеют друг друга понимать.

Некоторые аналитики высказывают надежду (напр., [7, с. 2]), что развитие технологий – это настолько влекущая цель, что человечество в будущем откажется «от корысти как основной движущей силы» развития и «вырываясь из оков рынка, устремится к восстановлению технологического прогресса», что технологии обеспечат «благополучие для всех».

Но может ли этот «сектор» смысловой сферы обеспечить развитие человечества на будущее? – Временно, конечно, обеспечит. Еще, возможно, на многие десятилетия. Один из наи-

более ценных результатов развития экономической цивилизации – образец жизни в развитых странах Западной Европы и США. Это далеко не только материальный достаток. Это возможность жить в обществе и семье, усвоивших ценности и стереотипы европейского просвещения, политической и экономической стабильности, получать с раннего детства психологическую основу для восприятий и развития современной художественной и интеллектуальной культуры и образованности. Этот образец обеспечит стремление все новых стран вступать в клуб капиталистического развития и западного «мирового сообщества».

На долгосрочную перспективу идеологи, в частности, многие марксисты, предсказывают превращение труда – в творческий процесс, и всех трудящихся – в творческие (по-современному, креативные) личности. Насколько реалистично такое предсказание, – большой вопрос. Более реалистичной для большей части человечества представляется перспектива поиска и обретения смысла жизни в непосредственных межличностных отношениях, в *социальном творчестве*, направленном на совершенствование культуры отношений в малых и больших сообществах и коллективах и между ними (см. [8]). Конечно, в первую очередь, речь должна идти об оживлении и обновлении опыта религиозных общин и коллективов, создававшихся не только на производственных, но и на духовно-этических основаниях социалистической идеологии.

Сейчас в интеллектуальном сообществе нет недостатка в алармистских исследованиях, констатациях, предсказаниях тех опасностей, которые несет духовный кризис всей человеческой цивилизации. Гораздо меньше голосов, указывающих реалистичные пути выхода или хотя бы признаки возможного оптимистичного изменения ситуации, надежды на будущее просветление. На мой взгляд, такую надежду дают признаки движения мира от однополярной к многополярной структуре (см. разд. 1.3). **Возникновение многополярного мира и выход на арену истории народов с современным уровнем экономики, но с иными духовными традициями и установками дает шанс человечеству найти более достойные смыслы, цели и пути развития.**

К концу XX века человек столкнулся с упадком учений, претендовавших на монополярное доминирование в мире, – универсальных идеологий. Десятилетия после краха СССР и социалистической системы прошли под знаком усилий США и мировой финансовой системы навязать всему человечеству структуру однополярного мира на основе западной капиталистической идеологии. С течением времени становится все более очевидным, что эта попытка не увенчалась успехом. Судя по нынешним идеологическим и геополитическим процессам, наиболее вероятным представляется наступление на тот или иной срок эпохи многополярного мира, где каждый цивилизационный полюс будет искать в своей истории и культуре, разрабатывать и укреплять свою объединяющую, консолидирующую духовно-идеологическую основу. Начинается эпоха поиска новых Смыслов и обновления старых религиозных и идеологических учений.

Теперь слишком сильно политическое, финансовое, концептуальное влияние друг на друга различных цивилизационных полюсов, особенно влияние западного Центра. Так что основные проблемы современного мира не разрешимы в рамках одной страны (как это было на заре развития капитализма). Для среднего человека проблемы, с которыми он сталкивается ежедневно на практике, острее и главнее, чем далекие мировые реальности, которые показывают ему по телевидению (которому он, кстати, и не очень доверяет). Поэтому в практике формирования текущей политики, в ее концептуально-информационном обеспечении на первый план выходят проблемы внутристрановые, которые необходимо решить в заданных рамках мировой политэкономической системы. Однако для формирования идеологии и духовности, предназначенных для длительной перспективы и преодоления глубинных причин (а не только поверхностных симптомов) болезней, даже имеющих вид «национальных особенностей» страны и ее истории, – в центре идеологии должно стоять представление о будущем всего

мира. Это является обоснованием неизбежности и желательности преобразования идеологической альтернативы **капитализм – социализм** в альтернативу **глобализм – многополярный мир** (см. также [9]).

Первая сторона этой альтернативы сейчас в основном оформилась и как идеология, и как политическая структура. Она обозначается как Запад, экономический Центр (противоположность Периферии), мировая элита (развитые страны и ориентирующиеся на объединение с Западом элиты периферийных стран). Ее идеология прочно связана с ценностями и мотивациями капитализма и экономической цивилизации (см. в разд. 2.1). Это *капиталистическая глобализация*. Вторая сторона оппозиции – *многополярный мир* – пока окончательно не сформировалась ни в виде лидирующих (доминирующих) экономико-политических образований (крупных государств или региональных союзов), ни в части идеологий усиливающихся полюсов и выявления объединяющих их принципов и устремлений.

Чтобы период многополярного мира не стал временем сплошных войн, необходимо создавать новую духовность, в интеллектуальной сфере – идеологию, содержащую Образ Будущего без войн, показывающую, что возможен (и как возможен) мир, опирающийся на иные принципы. История свидетельствует, что утопии ей необходимы. В идеологии глобализации в качестве основного принципа межнациональных и межгосударственных отношений сохраняется капиталистический **принцип рынка**: побеждает **конкурентоспособность**. Хотя период существования советской экономической и политической системы по историческим меркам был чрезвычайно мал, в ней успел накопиться бесценный опыт построения системы межнациональных отношений на иной цивилизационной основе. Иная цивилизационная основа – это вековые исторические традиции сосуществования (сотрудничества, преодоления конфликтов и т. д.) народов внутри российской православной цивилизации и отношений России с соседними народами и государствами. Основной принцип этой системы отношений можно обозначить как **семья народов**. И опыт удач, и опыт неудач и трудностей на пути адаптации такой системы отношений к экономико-политической ситуации в современном мире будет, несомненно, важен для формирования цивилизационных полюсов в виде федерации или союза государств и для выстраивания их экономического, политического и культурного взаимодействия.

Нахождение возможностей для сотрудничества и взаимопомощи, а также защиты духовных основ своего сообщества, деятельность политиков и идеологов, выделилась в определенную функцию государства. Однако основой этой деятельности служит подготовленная развитием культуры и религии способность людей разных наций и мировоззрений услышать, понять, по достоинству оценить доводы и цели другого – своего или чужого, не только друга, но и врага, умение поставить себя на его место, почувствовать мотивы и смыслы его деятельности. В культурологии возможность «вжиться» в иную культуру, «перевоплотиться» в представителя иного мироощущения, чтобы правильно понять его смыслы, называется герменевтикой. В период многополярного мира метод **герменевтики** как основы отношений между культурами и цивилизациями должен стать доминирующим (подробнее см. разд. 1.5 и 2.5).

Колоссальный разрыв в уровне благосостояния, определяющем возможности человека в реализации его человеческого потенциала, – это основное историческое **противоречие капитализма и социализма**, породившее их противостояние. Это противоречие **остается не разрешенным**. И следует ожидать, что новые идеологии будут развитием старых, их «наследниками», даже если они не сохраняют старые названия. Идеология социализма в XIX веке стала второй по значимости мировой идеологией, когда стали нарастать острота и настоятельность социально-этических проблем и межклассовых противоречий в обществе. В настоящее время не менее острыми и взрывоопасными становятся проблемы межнациональные, межкультурные, межрелигиозные. Видимо, именно этот аспект, этот комплекс проблем будет одним

из приоритетных в формирующихся идеологиях цивилизационных полюсов многополярного мира.

1.3. Возникновение многополярного мира

Геоэкономические и геополитические предпосылки. Регионализация и автаркия. Политика открытости является важным фактором усиления финансово-экономических и информационных связей между странами. Это ведет к формированию транснациональной мировой элиты, экономическому и политическому подчинению периферийных стран западному Центру. Однако параллельно этой глобальной тенденции нарастают и проблемы у США и всего западного Центра, и стремление элит периферийных стран к отстаиванию своего суверенитета, к защите от экспансии Запада. В настоящее время это стремление в большей степени может быть реализовано в рамках крупных регионов. Эту тенденцию можно условно обозначить термином региональная глобализация, или регионализация. Ей приходится преодолевать узко понимаемый национализм. Например, он требует ухода России со всех пространств, населенных нерусским населением, замыкание ее от притока мигрантов («Россия только для русских») в пределах республики «Русь».

Несколько столетий развития капиталистической системы к концу XX века в экономической сфере привели мир к доминированию западного Центра. Значительные части национальных элит сумели объединиться в единую мировую элиту под цивилизационной гегемонией Запада. Одновременно все больше выявляются негативные, разрушительные, антигуманные результаты однополярного мира и американского политического, финансового и военного монополизма. Как отмечалось уже во Введении, сейчас появились признаки, что эпоха однополярного мира подходит к концу. Наиболее наглядный признак смены эпох – высокие темпы экономического роста Китая и других периферийных стран.

Еще важнее те внутренние и внешнеполитические трудности, с которыми столкнулась администрация США в последнее десятилетие. Свой государственный долг США не может не только выплатить, но даже предотвратить его дальнейший рост. Растет количество скандальных разоблачений администрации во лжи и аморальности ее политики. Это означает, что и без альтернативного силового полюса, которым был СССР, у США не хватает политической или военной силы, чтобы предотвращать или хотя бы подавлять выступления своих активных противников. Падает доверие к США как к мировой силе, которая тем или иным способом всегда сумеет решить свои проблемы. Если США не смогут устранить Башара Асада, возникнет ситуация, подобная описанной Киплингом, когда старый вождь волчьей стаи потерял лидерство: «Акела промахнулся!»

Финансовая и экономическая открытость периферийных экономик, значительно более бедных по сравнению с западными странами, делает их беззащитными перед непредсказуемыми колебаниями спроса и мировых цен на товары и финансовые активы, которые определяются изменениями геополитических условий и непредсказуемыми изменениями политики западного Центра и спекулятивных стратегий финансово-политических групп. Эта непредсказуемость лишает периферийные экономики возможности выстраивать собственную суверенную стратегию развития (в частности, стратегию модернизации экономики, требующую разработки долгосрочного плана поэтапного изменения структуры хозяйства и общества), обрекают на роль вечных сателлитов западного сообщества, вынуждают постоянно реагировать на события, происходящие в развитых странах. Как выразился один мексиканский политик, имея в виду США, «очень неудобно спать в одной постели со слоном».

Политика открытости является важным фактором усиления финансово-экономических и информационных связей между странами. Это ведет к формированию транснациональной мировой элиты, экономическому и политическому подчинению периферийных стран западному Центру. Ослабление Запада порождает главную историческую силу, создающую многополярный мир, – *стремление региональных элит к суверенитету*, к независимости от миро-

вого Центра. По-видимому, этот фактор в настоящее время уже стал непреодолимым. Возьмем пример – периоды временного оживления и подъема американской экономики. Они могут, конечно, создать трудности для всех зависимых от них стран, но маловероятно, что они изменят общий тренд. Известный экономист Джеффри Саммерс считает, что успехи последних лет США в самообеспечении сланцевым газом и другим сырьем, а также возможности производить товары с низкими издержками, резко ухудшит ситуацию для Китая и других стран, экономика которых сильно зависит от экспорта в США. Но если раньше в связи с такой угрозой Китай подчинился бы требованиям Америки направлять дополнительные вложения своих валютных резервов в американские ценные бумаги, то теперь он будет использовать их для подъема внутреннего спроса и обеспечения разумной автаркии.

В период подавляющего превосходства Запада в экономической и политической сфере элиты остальных полюсов были в значительной мере ориентированы на западные ценности, озабочены стремлением встроиться в однополярную капиталистическую систему. Развитие науки, культуры, философии тормозилось «утечкой мозгов» (этот фактор все еще действует). С возникновением «противовеса» западному Центру появляется возможность ставить задачу и добиваться экономического и политического суверенитета. Период, когда для национальных элит связи с мировым центром важнее, чем с собственным народом (период «народов без элит», по выражению А. С. Панарина) с возникновением многополярного мира должен смениться периодом, когда для элиты важной опорой снова становится доверие собственного народа. Естественнo ожидать, что идеологии укрепляющихся полюсов будут строиться на основе традиционных культур, религий и социалистических идей.

За последние столетия произошло гигантское укрупнение финансово-экономических и политических структур, усиление их взаимосвязей и взаимодействия. В этих условиях о национальном суверенитете может идти речь только в отношении крупнейших стран и народов. Часто реалистичной может быть только задача обеспечения суверенитета для союзов стран типа Европейского Союза или Евразийского Союза. То есть речь идет о формировании не национальных (в узком смысле), а цивилизационных полюсов. По экономико-политическому и культурному потенциалу, на роль таких полюсов могут претендовать США, Евросоюз, Китай + Восточная Азия, Евразийский Союз во главе с Россией, Исламский мир, Индия, Латинская Америка.

При технологических и экономических условиях современного мира ни одна страна (даже сверхдержава) не может обеспечить свою конкурентоспособность в одиночку. Поэтому будущее – за региональными союзами или содружествами, обеспечивающими максимально прочные политические, идеологические, экономические взаимосвязи внутри союзов. И как результат, – взаимное доверие, возможность планирования развития региона как единого хозяйственного комплекса. При формировании многополярного мира можно ожидать переоценки роли экономической автономности союза или содружества, **разумной автаркии**, которая необходима, чтобы установить достаточно эффективный контроль за внешними, трансграничными потоками (экономическими, информационными, миграционными) и учитывать целевые установки и ресурсные возможности стран – участниц союза. В результате потребности в региональной автаркии возникают союзы и коалиции, такие как ЕС, АСЕАН, БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, НАФТА, МЕРКОСУР. Силы, толкавшие страны к глобализации начинают действовать в направлении регионализации.

Неустойчивость и нестабильность, порождаемые как стихийными, так и рукотворными факторами и условиями действующей модели глобализации (ситуация однополярного мира), инициирует потребность в укреплении суверенитета и защиты самостоятельного внутреннего развития. Ценовыми, финансовыми и политическими цунами страны подталкиваются к определенной автаркии. Рациональная реализация этой тенденции – **автаркия крупных регионов**.

В условиях всепроникающего воздействия Центра и финансовых и ценовых «стихий», небольшие государства не могут обеспечить свой суверенитет в одиночку. Возникает потребность поиска стран и народов, близких по духовности, традициям, социально-политической структуре, и возможности образования единых с ними организационных структур типа союзов, федераций, империй.

Можно провести аналогию между этим современным процессом и процессом возникновения наций в ранний период развития капитализма. Теперь нации и национальные государства оказываются слишком малыми образованиями. Мировые полюса должны формироваться, скорее всего, на основе цивилизационной общности (возможно на основе мировых религий). Примерами для аналогии могут служить отношения французских королей с графствами и герцогствами, опиравшимися на этническую идентификацию, которая первоначально была часто более реальной и действенной, чем приверженность Франции. Бургундия или Нормандия могли воевать совместно с англичанами против короля Франции. Тот же трудный процесс выбора этническими общностями и малыми народами возможностей соединения в большой народ с единой национальной культурой и государственностью мы знаем по своей российской истории.

Перед элитами, формирующими современные (или будущие) полюса многополярного мира стоят трудные задачи создания единой идентификации в рамках крупного региона на основе общности экономических интересов, исторических традиций, близости языка и культуры. Большинство наций сформировались в период подъема капитализма. Чтобы участвовать в «большой истории», малые нации теперь должны понять свой политический и экономический суверенитет как выбор участия в том или ином наднациональном сообществе – цивилизационном. Они должны осознать исторические смыслы этой наднациональной общности как часть смысла своего собственного существования в истории, как часть своей борьбы и своих достижений. Надо осмыслить свою национально-освободительную борьбу против колониальных империй как борьбу против насильственного присоединения к чуждой цивилизационной общности, борьбу за справедливые отношения между народами, соответствующие человеческим и божеским законам и правилам жизни.

Появляется настоятельная потребность выстраивать политику, идеологию и институты **разумной автаркии**, создавать внутри каждого цивилизационного сообщества объединяющую духовность и идеологию самостоятельности (в первую очередь, на основе традиционных культур и религий и социалистической идеологии). А также идеологические и институциональные механизмы предотвращения и мирного разрешения междоцивилизационных конфликтов. Важную роль в идеологиях новой эпохи должна играть способность человека понять Смыслы иного мировоззрения, «вжиться в образ» чужой культуры.

Сейчас в идеологической сфере еще монопольно доминирует либерально-рыночная идеология. Эта монополия способствует консервированию состояния однополярного мира, игнорированию быстрого изменения соотношения сил в сфере геополитики и геоэкономики. Такое искусственное консервирование статус-кво (в частности, попытки утвердить «идеологию деидеологизации») несет угрозы активизации старых и возникновения новых экстремистских энергий и мировых катастроф. Теперь идеология капитализма преобразилась в идеологию **глобализма («по-американски»)**. Но теперь во всех странах растет антиамериканизм и недовольство сложившейся системой однополярного мира. И соответственно, потребность в альтернативной идеологии.

Надо сказать, что политики США и других западных стран вкупе с международными организациями сами подталкивают незападные страны к политике регионализации и независимости от Центра, используя экономические санкции даже блокаду в отношении тех стран, поведение которых им не нравится. Либералы – не догматики. Когда им надо, они легко отбрасывают либеральные догмы, например, требование внешнеэкономической открытости. Осо-

бенно часто Вашингтон стал прибегать к санкциям после окончания холодной войны. В период с 1918 по 1992 гг. США применяли санкции 54 раза. В то время как с 1993 г. по 2002 г. (девять лет) они пользовались этим инструментом 61 раз. В начале XXI века американские санкции распространялись на 75 стран, население которых составляет 52 % человечества [21].

Последний наиболее известный пример – экономические санкции против Ирана. Вашингтон не ограничивается односторонними санкциями. Под его давлением Западная Европа в полном объеме подключилась к американским санкциям. Она обязалась отказаться от импорта из Ирана. Европейским банкам запрещено осуществлять какие-либо операции с банками и компаниями Ирана. В ответ Иран стал вкладывать большие средства в создание импортозамещающих производств и диверсификацию экспорта. Еще недавно Иран на сто процентов зависел от импорта таких нефтепродуктов, как газойль, авиационный керосин, а также от импорта сжиженного попутного нефтяного газа. Сейчас он их экспортирует. А с завершением строительства крупного НПЗ в порту Аббас Иран также станет экспортером бензина. Особое внимание правительство уделяет созданию производства оборудования для добычи и переработки нефти и природного газа, нефтехимии. Основная часть такого оборудования будет поступать из Китая.

Проблема «автаркия – открытость» очень не проста. Ее можно назвать обоюдоострой. Трудность ее решения связана с необходимостью развития инновационной экономики, которой противопоказаны всякие барьеры, препятствующие свободному перетеканию интеллектуального капитала в любых формах – и людей, и идей. Кто-то из журналистов точно назвал это его свойство «сверхтекучестью». В частности, производство сложных новых изделий обычно требует получения большей части комплектующих из разных стран. Часто в стране, где базируется инновационное предприятие, производится только конечное изделие. В этих условиях сложность и высокие затраты на прохождение таможенных барьеров могут стать причиной «утечки» данного производства за рубеж.

В настоящее время идут интенсивные процессы вывоза капитала и передовых технологий из развитых стран в догоняющие, в сфере инноваций необходимы интеграция и кооперация. В этих условиях в актуальную проблему превращается поиск рационального сочетания открытости и защиты от конкурирующего импорта и утечки технологий. Но речь идет о том, что меры по обеспечению рационального протекционизма и автаркии должны быть признаны не менее эффективными инструментами гармонизации международных отношений, чем либеральное требование максимальной открытости. Их следует считать важной и вполне оправданной частью национального суверенитета.

Конечно, пока наступление эпохи многополярного мира ничем не гарантировано. Нельзя исключать сценарий возрождения силы западного центра как мировой метрополии на несколько долгих десятилетий (возможно, на основе реализации новых прорывных открытий и технологий в сфере биологических, информационных, организационных наук?). Остается возможным сценарий перехода сразу к двухполярной геополитической структуре мира (см. также разд. 2.5). Но выиграют те цивилизационные сообщества, которые правильно «угадают» структуру будущего мира и, веря в свое предназначение, начнут уже сейчас строить фундамент для будущего взлета. Если российская элита верит в великое будущее России и евразийского полюса, она должна, не жалея сил, налаживать сотрудничество с Украиной и в экономике, и в культуре. Раздоры в семье – дело временное.

О национализме. Национализм, как и традиционная религия, – важнейший фактор жизненной силы народов, сохранения и развития их культуры и духовности. Национализм – любовь к своему языку, к своей природе, к истории и своеобразному психологическому складу своего народа – является важнейшим фактором сохранения и развития всей мировой культуры. Только на почве наполненного смыслами и образами национального уклада жизни возникает художественная литература, искусство. Даже наука носит ясно выраженный отпечаток

национального психического склада [11]. Не будь наций и национализма, не было бы той «цветущей сложности» человеческого бытия, которая оправдывает его историю, часто бессмысленно жестокую и безобразную, дает ей смысл. Не будь русской нации и русского национализма, не было бы не только Пушкина, Есенина, Высоцкого, но и так любимых на Западе Достоевского и Толстого.

В то же время новая мировая элита использует силы национализма в качестве геополитического оружия. «Идеология деидеологизации» стремится не только ослабить национальные государства, но и уничтожить саму категорию «национального». Само употребление слова *национализм* в положительном смысле уже стало не политкорректным. Оно связывается уже только с национальным неравноправием и этническими конфликтами, войнами и т. д. Но ведь этак придется отказаться и от огня: от него бывают пожары! Слово национализм точно отражает ту духовную сущность, которая может порождать и великие достижения, и великие трагедии. Те, кто хочет иметь термин, отражающий только отрицательные черты национализма – вражду к другим народам, проповедь национальной исключительности и т. п., должны использовать другое слово, например, *шовинизм*.

Народы, этносы, цивилизации, стремящиеся сохранить свою культуру, традиции или создать возможность суверенного экономического и государственного развития, сталкиваются сегодня не только со стихийными силами мирового рынка, экспансии чуждых культур и потоками мигрантов. В современном мире действуют мощные открытые и тайные силы, накопившие финансовые, технологические, кадровые ресурсы и опыт по использованию открытости и фактической незащитности многих народов и государств в собственных целях, в целях укрепления своей власти и господства. Эти ресурсы и опыт часто направляются на разжигание, поддержание и обострение противоречий в тех культурных и цивилизационных сообществах и государствах, которые по тем или иным причинам препятствуют осуществлению гласных или негласных целей этих мощных мировых сил. Фактически такие воздействия направлены на разрушение противостоящих им государств и других идеологических и институциональных структур.

США в качестве главного инструмента для ослабления стран-противников используют разжигание национальных и религиозных противоречий методами организационной и информационной войны, приводящее к «цветным революциям» и гражданским войнам, создание и поддержку боевых отрядов противников государственной власти. В результате создаются и поддерживаются очаги перманентной политической и экономической нестабильности, «управляемого хаоса», состояния постоянной непреодолимой вражды.

Процесс воссоединения «Большой России», воссоздания евразийского полюса может стать образцом для описанного выше процесса регионализации. В России в ответ на конфликты на межнациональной почве, русские националисты иногда требуют пресечь *этнические* («клановые») *национализмы*, поскольку никакой иной политической культуры, которая могла бы обеспечить единство, консолидировать российский народ, сейчас в России нет. Как раз российская история показывает наиболее эффективный путь к культурно-политической консолидации большого народа. Этот путь – в том, чтобы представители малых наций и этнических групп беспрепятственно включались в элиту большого народа. Чтобы *русские татары*, *русские немцы*, *русские евреи*, *русские чеченцы* считали за честь, гордились тем, что они русские, что они сделали вклад в общую русскую культуру – великую часть всей мировой культуры. В этом задача всех, кто считает себя русским, принадлежащим к русской культуре.

Исторический материализм, можно сказать, положил начало превращению истории в науку. Были выявлены важнейшие факторы и обоснованы закономерности, позволяющие объяснять и предсказывать изменения экономических укладов, социальной структуры общества и т. п. в разных странах. В исходном варианте марксистской теории проблемы межнациональных и межрелигиозных отношений не рассматривались как ключевые. Считалось, что эти про-

блемы станут легко разрешимыми, если будут сняты антагонистические противоречия между классами.

К. Маркс основывал свои выводы, как правило, на данных об истории стран западноевропейской цивилизации. И его взгляды формировались в период, когда в Европе и САСШ шел мощный цивилизационный подъем, ценностной доминантой которого были экономические и научно-технические параметры и символы. Проблемами незападных стран он стал заниматься только в последние годы. Видимо, только уникальные условия, сложившиеся в европейских и североамериканских странах в период подъема экономической цивилизации и новой капиталистической формации, позволили основоположникам марксизма обойтись (на первых порах) без включения такого мощнейшего фактора, как национализм и патриотизм, в число определяющих историческое развитие.

Гораздо труднее понять современных идеологов глобализма (как ориентирующихся на либерализм, так продолжающих традиции марксизма), которые трактуют приверженность ценностям и идеалам национальных традиций только как реакционные и опасные симптомы возрождения архаических болезней. Это можно объяснить, скорее всего, памятью об ужасах германского нацизма. И. Валлерстайн такие рецидивы называл «реакциями ошпаренного кота». История свидетельствует, что любые, самые светлые идеи и учения, будучи доведены до предельных границ фундаментализма и радикализма, могут быть использованы в качестве идеологического оружия.

Для многонациональной России проблема политического смысла и значения идей национализма всегда была и до сих пор остается актуальной. В 1991 г. эта идея, в рамках доминирующей тогда идеологии либерализма, была использована в качестве подрывного концептуального оружия национальными элитами (не только нацменьшинств, но и русских!) для развала СССР. Проект Конституции, подготовленный еще в советские годы главным авторитетом правозащитников академиком Андреем Сахаровым, предоставлял право государственного самоопределения любому национальному (этническому?) сообществу, заявляющему о желании выделиться из состава СССР. Лозунги «Россия для русских!», «Хватит кормить Среднюю Азию и Кавказ» даже в 2000-е годы нередко оживляются в связи с проблемой мигрантов. «Русский вопрос» приобретает остроту, которую круги, заинтересованные в развале России, сопоставляют уже с ситуацией начала XX века (см. также содержательную статью Э. Н. Рудыка [22]).

Наиболее теоретически и практически состоятельным ответом на эту разрушительную интерпретацию национальной идеи является доказательство того, что продолжавшийся несколько столетий процесс роста и укрепления России к XX веку привел к несомненному результату: состоялось создание российской, а затем советской нации-цивилизации (ядром которой является русская культура, общность исторических судеб славянских и тюркских народов и т. д.). Этот результат был доказан, в частности, двумя тяжелейшими войнами – гражданской и Отечественной. Если бы Сталину за десятилетие тридцатых годов не удалось оживить идеи и символы российского многонационального единства, победа в войне с фашизмом была бы гораздо более трудной и даже проблематичной. На это и рассчитывали Гитлер и его идеологи.

Идеологии незападных полюсов – симбиоз социализма и традиционной духовности. Без учета «диалектического противоречия» и взаимообусловленности тенденций глобализации и цивилизационной многополярности невозможно понять и оценить смысл многих великих и трагических периодов истории. В первую очередь, это относится к выявлению смысла идейной и политической борьбы национал-большевизма и коммунистического глобализма в правящей элите СССР. Противостояние стратегий на «мировую революцию» и на «построение социализма в одной стране» в 1920-1930-е годы по своему накалу и трагическим результатам приходится рассматривать как продолжение гражданской войны. В виду особой исторической важности этих событий, их описание вынесено в отдельный раздел 1.4.

Важнейшим принципом, отличающим современный глобализм от противостоящего ему антиглобалистского направления является их отношение к роли государства и крупных экономических субъектов. В теории и практике глобализма государство как ценность и как институт опускается до роли инструмента в руках господствующей олигархии, руководителей крупнейших транснациональных финансово-промышленных корпораций и банковско-финансовых групп. Для формирующихся периферийных полюсов сильное государство часто является единственной силой, способной противостоять экономическому, политическому, информационному давлению всесильного Запада.

Для дееспособности государства необходим определенный уровень духовно-идеологического единства народа. В развитых странах Запада это единство обеспечивается экономическими, научно-техническими, культурными успехами и готовностью народа и элиты защищать свое господствующее положение. По образному выражению испанского капитана, которое приводит в своей книге С. Г. Кара-Мурза: «На Западе рабочий, пролетарий – это тот же буржуй, только без денег». Возникающие периферийные полюса еще долго не смогут достичь такого уровня благосостояния, научно-технического развития и способности конкурировать с Западом в сфере финансов. Поэтому для них критически важным фактором является укрепление объединяющей духовности, в основу которой неизбежно должны быть положены интересы большинства народа (элита в значительной части ориентируется на Запад) и принципы справедливости, т. е., по существу, элементы социалистической идеологии. Как показал опыт СССР и современные попытки построить общества, альтернативные Западу, одной социалистической идеологии оказывается недостаточно. Идеологический фундамент оказывается достаточно прочным, только когда удастся сочетание социалистической идеологии с традиционной духовностью – национальной или религиозной. Это сочетание характерно и для Китая и Вьетнама, и для стран социалистической направленности «красного континента» – Латинской Америки, и для стран исламского социализма.

Соединение ислама и социализма провозгласил Муаммар Каддафи в своей «Зеленой книге» и реализовал в устройстве Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии.

В Латинской Америке влияние католической религии не меньше, чем в самой Европе. Именно там зародилась *теология освобождения* – учение, объединяющее христианство с элементами социалистических преобразований общества. В Боливарианской Республике Венесуэла с приходом Уго Чавеса как политика, так и идеология носят открыто социалистический характер. Вот его слова (декабрь 2007 г.): «Социализм – единственный путь к справедливости, равенству, свободе... Капитализм – дорога в ад...». И вот как обращается президент 30 июня 2011 г. после лечения в Гаване к своему народу: «... Когда сам Фидель Кастро лично... пришел сообщить мне тяжелую новость об обнаружении рака, я стал просить моего Господа Христа, Бога моих отцов, как сказал бы Симон Боливар; Деву Марию, как сказала бы моя мать Елена; духов саванны, как сказал бы Флорентино Коронадо, дать мне возможность обратиться к вам... будем же с нашим отцом Боливаром в авангарде продолжать взбираться на вершину Чимборасо! Спасибо Господь мой! Спасибо народ мой, спасибо жизнь моя!»

В Латинской Америке растет движение за освобождение индейских народов от расистского неравноправия («Великое Пачакути»). В Боливии движение индейцев и крестьян в 1995 г. привело к созданию организации «Политическое оружие в борьбе за суверенитет народов», которое затем трансформировалось в «Движение к социализму». В 2005 г. впервые в Латинской Америке в Боливии президентом был избран индеец – Эво Моралес Айма. В 2006 г., несмотря на угрозы и шантаж, правительство приняло решение национализировать природные ресурсы, нефть и газ. Доходы от них распределяются всему населению.

Идеологическая основа поднимающихся периферийных полюсов, видимо, как правило, должна представлять собой тот или иной симбиоз элементов идеологии социализма с обнов-

ленной традиционной духовностью – религиозной или националистической. Одним из преступлений Гитлера и германского нацизма явилась дискредитация этой объединяющей идеи. Задача современных интеллектуалов – обновление и новое объединение этих идеологических направлений. Табу, налагаемое на национализм, препятствует решению этой задачи. Сейчас всякий объективный анализ с выявлением не только угроз, но и положительных качеств этого симбиоза оказывается под моральным запретом. Будем надеяться, что теперь уже пришло время для объективного исследования исторических процессов, отделенного от эмоциональных оценок.

Такие исследования, конечно, не должны заслонять и подменять моральные и эмоциональные оценки. Но сейчас задача состоит в том, чтобы эти оценки не заслоняли и не подменяли объективного исследования. Во всякой идеологии, во всякой религии есть экстремистское крыло. Теперь главное – работа интеллектуалов и наших духовных авторитетов по отделению тех, ни в коем случае не приемлемых феноменов, часто сопутствующих духовному подъему, как массовый террор, воинствующий атеизм, лысенковщина и т. д. Эти трагические феномены не являются следствиями идеологического сочетания национализма и социализма. Так же как инквизиция не есть следствие христианства, как ваххабитский террор – не следствие ислама. Человечество постоянно находится в поиске. Конфликты между экономико-технологическим прогрессом и традиционной духовностью – важнейшее поле этого поиска. Где границы нормального и необходимого поиска, и где – страшные бездны за границами этого нормального поля в область духовных эпидемий, таких как мировые войны, геноцид, нацизм, ГУЛАГ, наркомания, алкоголизм? Действия правящих элит, сознательно толкающих народы за границы нормального поля поиска – преступны.

Необходимость общей концепции многополярности. В России в 2000-е годы появились признаки окончания периода духовного упадка, и даже некоторые признаки подъема. Они основаны на оживлении российского патриотизма и укрепления национальной государственности. Вместе с тем, в современном сложном мире, мире идеологических войн и «обвальных» перемен, остро чувствуется необходимость концепций, объясняющих, позволяющих осмыслить и оценить взаимодействие данной нации, народа, цивилизации с другими народами, ее место и роль в кругу других народов, ее взаимосвязи со смыслами и целями общих линий исторического развития человечества.

Для России сейчас эта потребность очень убедительно доказывается той волной озлобленных нападок на Путина за его политику восстановления российской державы, которая трактуется только как попытка восстановления и продолжения опасных для мира властных амбиций СССР и Российской империи. Теоретическое и идеологическое прояснение национальной, патриотической политики, обязательность разработки и повседневного использования более широкой концепции многополярного мира диктуется не только тем, что в настоящее время Россия слаба (ее ВВП составляет 3 % от мирового) и не способна в одиночку воздействовать на мировые процессы. Определение места России и формирующегося евразийского цивилизационного полюса в геополитической системе и в тысячелетних линиях исторических трендов необходимо не только для наших отношений с друзьями и врагами. Нам самим это еще важнее: чтобы яснее видеть, откуда мы и куда идем.

1.4. Борьба идей глобализма и национальной государственности в советской истории

Установка на мировую революцию. Понимание борьбы коммунистического глобализма и национал-большевизма как главного противоречия в советской правящей элите дает важный ключ к выявлению основных смысловых коллизий того времени. Хороший анализ российско-советской истории на основе такого подхода, по нашему мнению, дан в книгах Александра Елисеева [14], [15], [16]. Эти книги представляют собой историческое исследование, в котором подробно прослежена борьба этих двух идейно-политических направлений в Советском Союзе. В отличие от большинства работ по данной тематике, целью автора является не отстаивание той или иной оценки фигуры Сталина, его осуждение или оправдание, а выявление геополитических, исторических и метаисторических сил, которые прокладывают свои пути через скрытые и явные намерения, решения, столкновения большого количества исторических деятелей и организаций. Все это происходит в условиях великих и трагических десятилетий российской истории, в условиях, когда фактически продолжалась гражданская война до самого начала войны Отечественной, сменившейся затем «холодной войной». Неверие Сталина в мировую революцию сделало его, по выражению автора, «консервативным большевиком».

Марксизм выдвигает в качестве факторов, определяющих движение истории, развитие производительных сил и производственных отношений, формирование классов и классовую борьбу. Марксисты-ортодоксы уверены, что с развитием капитализма происходит отмирание государства, стираются различия между нациями и границы между ними. В этом отношении идеология современного «капиталистического» глобализма близка к ортодоксальному марксизму. Сталин был марксистом-практиком и не догматиком. Он вслед за Лениным понял, что выход из капиталистической формации может произойти путем возникновения альтернативного «полюса» в отсталой России. И может быть, лучше Ленина чувствовал и понимал значение для создания такого полюса в незападной стране – сильного государства и его духовно-идеологического фундамента, а также экономического суверенитета.

В течение 20-30-х годов шла упорная борьба между направлениями коммунистического глобализма и национал-большевизма. То одно, то другое становилось более влиятельным. Однако внешняя и внутренняя обстановка менялась таким образом, что все больше выявлялась правота второго, государственнического направления.

В 1919 г. был создан III Интернационал (Коминтерн). Когда в 1919 и 1920 гг. Красная Армия потерпела неудачи в своих попытках помочь Советской республике в Венгрии и затем взять Варшаву, большевики осознают, что сейчас победить Европу армия не может. И тогда принимается решение практически основную ставку сделать на инспирирование революций – распустить армию (перевести ее на территориально-милиционную систему) и освободившиеся средства направлять в Коминтерн.

Как пишет А. Елисеев [15, с. 37–38], Коминтерн стал «всемирной квазиимперией, чья мощь поначалу превосходила мощь РСФСР-СССР». Он аккумулировал и направлял грандиозные финансовые средства зарубежным компартиям, которые так же, как и ВКП(б), считались секциями Коминтерна. Министр иностранных дел Г. В. Чичерин писал: «Теперь когда ради существования СССР надо укреплять положение прежде всего в Берлине, ИККИ (Исполнительный комитет Коминтерна) не находит ничего лучшего, как срывать нашу работу выпадами против Германии». Деятельность Коминтерна превратила многих немцев в непримиримых врагов СССР, который они отождествляли с международной подрывной организацией революционных авантюристов. В начале 20-х годов центр реальной власти находился не в ЦК

или СНК, а в руководстве Коминтерна (председатель ИККИ Г. Зиновьев, член Малого бюро Н. Бухарин).

Отход большей части активных большевиков от «красных глобалистов» к «государственникам» (лидер – И. Сталин) в 1923 г. объясняется, в частности, снижением надежд на мировую революцию. В Англии на выборах в Парламент коммунисты получили всего 50 000 голосов из 22 миллионов. Численность германской компартии сократилась с 500 000 до 100 000.

Лидером «глобалистского» направления в РКП(б) традиционно считается Лев Троцкий. Однако его ориентация на всемирную революцию существенно отличается от «левацкой» доктрины немедленного наступления, характерной для верхушки Коминтерна. Вот как характеризуется позиция Л. Троцкого в работе [15, с. 54]: он «был убежденным и последовательным сторонником интеграции советской экономики в систему международного капиталистического хозяйства. Причем сама экономика должна была, по его замыслу, быть именно рыночной, а план использоваться всего лишь как регулятор рынка. Реставрация капитализма допускалась им только в экономической сфере, тогда как в политике власть должна была оставаться у партии большевиков». Троцкий не верил, что Европа готова к революции. И на данном этапе он «видел одну из задач революции – объединять мир, причем не обязательно сразу на социалистических основах. Капиталистическая глобализация тоже благо – естественно, при участии левых сил. И лишь когда мир будет единым, – возможна будет и мировая социалистическая революция. А до тех пор необходимо способствовать глобализации, поддерживая не только левые, но и любые «передовые» силы Запада».

Как известно, в правящей (коммунистической) элите СССР победило «государственное» сталинское направление, и это определило основные исторические события на несколько десятилетий с их великими победами и великими трагедиями.

Ключевой вопрос для оценки, какое же из этих двух направлений оказалось более «правильным», «успешным», а какое «ошибочным», наверное, состоит в том, могло ли в 20-30-е годы победить направление «социалистической глобализации»? И спасло ли бы это человечество от Второй мировой войны? Многие коммунисты считали, что Гитлер пришел к власти благодаря расколу левых сил, и для борьбы с фашизмом необходимо их объединение.

Утверждение, что в расколе коммунистов с эсдеками были виноваты только коммунисты, не согласуется со многими фактами. Более адекватная версия состоит в том, что объединение левых сил неизбежно привело бы к консолидации правых как внутри Германии, так и на межстрановом уровне. В 30-е годы, вследствие кризиса в Европе и успехов Советского Союза, снова нарастает число сторонников коммунистов (как и сторонников фашистов). Но это вовсе не свидетельствует о том, что коммунисты, даже в союзе с социал-демократами, могли прийти к власти в результате демократических выборов. Известные факты и рассекреченные документы показывают, что в Европе в 20-30-е годы, так же как потом в 50-60-е в странах Азии и Латинской Америки, там, где речь шла о возможности прихода к власти коммунистов, демократические процедуры переставали действовать. И для руководителей нацистов, и для поддерживающих их международных политических и финансовых сил ограничений морального или «демократического» порядка практически не существовало. Для этих сил главной опасностью был не Гитлер, которым они надеялись манипулировать, а «призрак коммунизма», который уже материализовался в быстро набирающее силу советское государство.

А. Елисеев на массе примеров показывает, что Сталин как до войны, так и формируя послевоенное переустройство мира, глубоко осознавал невероятную трудность не только построения социализма в одной стране, но даже просто сохранения страны, противопоставившей себя мировому капиталистическому порядку. Не менее ясно он видел слабость коммунистических партий в европейских странах, их сектантскую оторванность от большинства народа. Их плохо подготовленные, по сути авантюристические, восстания не спасала и близость левых социалистов. Например, в 1923 году была предпринята попытка «поджечь» Германию. Комму-

нисты получили приказ от Коминтерна присоединиться к правительствам Саксонии и Тюрингии, где власть была в руках левых социалистов. Из-за плохой организации коммунистические отряды в Гамбурге вовремя не получили приказ отложить восстание и в назначенный час начали боевые действия, заняли стратегические позиции в городе, но они не были поддержаны коммунистами в других частях Германии. Социалисты Саксонии и Тюрингии также не пришли к ним на помощь.

Сталина нередко упрекают в том, что он в таких случаях не приходил на помощь зарубежным коммунистам. Единственной силой, которая возможно помогла бы локальным выступлениям коммунистов, даже и при их союзе с левыми социал-демократами, могло быть вмешательство Советского Союза. Но это привело бы к втягиванию СССР в войну и срыву мощного процесса его усиления, который, по мнению большинства советской правящей элиты, и был единственной гарантией социалистического преобразования мира. Именно этого вынужденного участия в зарубежных войнах Советской России, еще слабой и экономически, и политически, всеми средствами старался избежать Сталин, тормозя все революционные выступления. Вызовом такого рода было восстание в Испании в 1934 г.: в Мадриде под руководством левых социалистов Кабальеро и Каррильо, и в Астурии под руководством астурийского революционного комитета, возглавляемого также левыми социалистами с участием двух коммунистов. До этого в 1933 г. было выступление отрядов «Шуцбунда» (под руководством левых социал-демократов) в Австрии. Эти восстания быстро подавлялись правительственными войсками с участием военизированных формирований правых.

Опыт 20-х и начала 30-х годов свидетельствовал, что без серьезной помощи СССР европейские левые не могли не только захватить власть (путем революционных переворотов или использования демократических легальных институтов), но и помешать распространению и усилению влияния фашистских организаций и настроений. И не только в Италии и Германии, но и во всех других странах Европы. В частности, это свидетельствовало и том, что ортодоксальная марксистская теория, описывающая политические процессы только на основе классовых (социально-экономических) противоречий и не учитывающая националистических сил как факторов первой величины, недостаточна, не вполне адекватна. Перед советскими коммунистами стояла реальная альтернатива:

- 1) пойти на объединение с социал-демократами Европы с целью совместного с левыми силами взятия власти в Германии, Франции и других европейских странах или
- 2) готовить СССР к почти неизбежной большой войне, насколько возможно отдаляя ее начало и для этого фактически тормозя все революционные выступления как заведомо обреченные на поражение, а следовательно, авантюристические.

Силы в Европе, готовые идти по первому пути (пути «социалистической глобализации»), были, конечно, значительны. В середине 30-х годов Исполнительный комитет Коминтерна, вместо тезиса Зиновьева 1929 г., объявлявшего социал-демократов социал-фашистами, выдвигает идею «народного фронта» – политического блока коммунистов и социалистов (социал-демократов). Однако эти силы все же не способны были предотвратить гражданские войны и явно приближающуюся мировую войну. Они не смогли повлиять на ситуацию в Германии, где возможен был раскол национал-социалистической партии, когда лидер ее «левого крыла» Г. Штрассер мог стать вице-канцлером и премьер-министром Пруссии [15, с. 171–172]. Штрассер не был оголтелым шовинистом и антикоммунистом, как Гитлер, маниакально нацеленный на большую войну. Именно так оценивали возможности европейских народных фронтов советские коммунисты во главе со Сталиным. Война в Испании в 1936 г. и беспрецедентное бессилие и падение Франции в 1940 г. доказали, что их оценка была правильной.

«Сослагательное наклонение» в истории. Есть мнение, что мировая война стала неизбежной не только в силу экстремистской установки Гитлера, но и «преступной» радикально-государственнической политики Сталина, противопоставившей советский коммунизм

всему остальному миру. Противостояние «страны, строящей социализм» всему буржуазному миру действительно можно считать причиной неизбежности войны (об этом говорилось выше). Но разве Сталин виноват в таком противопоставлении? Его подготовили и воплотили в жизнь Маркс и Ленин. Сталин только выполнял поставленную ими задачу, – отстоять силу социалистической идеи, как он ее понимал. Он сохранял и развивал то государство, которое создал Ленин. И он выполнил эту задачу.

Когда теперь интеллектуалы ломают копья, обсуждая вину и заслуги Сталина, это выглядит нелогичным. Ведь и Маркс, и Ленин хорошо знали историю. Они прекрасно знали, что великая революция не может обойтись без великих войн и жертв. Даже Христос знал, что принесенная им революция неизбежно приведет к большим жертвам: «Я принес не мир, но меч». Так разве логично обсуждать исполнителя – Сталина, и его средства, не обсуждая, не оценивая цели – идеи коммунизма и социализма, ради которых эти средства применялись? Или в 1917 г., так же как в 1905 г., следовало сказать: «Не надо было браться за оружие»?

Великая Идея, Учение, Истина, дающие Смысл и Веру, стоят героической борьбы и жертв. Приведем только одно свидетельство. Лион Фейхтвангер после десятидневного пребывания в Москве в 1937 г. писал: «Как вы можете жить, – спрашивают меня москвичи, – в таком морально скверном воздухе, которым вам приходится там дышать. Даже если вы лично имеете возможность работать там в комфорте и тишине, то неужели вас не беспокоит окружающая вас нужда, которую можно было бы устранить разумным урегулированием вещей. Неужели вас не раздражает явная бессмыслица, окружающая вас? Как можете вы выносить жизнь в стране, экономика которой определяется не разумным планированием, а жадной охотой к наживе?»

Современные антисталинисты обычно говорят: «Да, победа завоевана, индустриализация проведена, Россия стала второй сверхдержавой и доказала, что многое, о чем мечтали революционеры, может быть реализовано, – но какой ценой?!». Действительно, цена высокая. Но чем измерять цену? Числом человеческих жизней? Многие приверженцы глобализации и деидеологизации так и утверждают: нет ничего дороже человеческой жизни. И сколько жизней вы отдали бы за демократию, за свободу от диктатуры, за социализм? Сколько не жалко? И сколько погибло бы, если бы для колониального капитализма не появилась альтернатива, реальный противник СССР? На мой взгляд, такие рассуждения только демонстрируют, что торгашеский подход здесь не уместен.

Как известно, в правящей (коммунистической) элите СССР победило «государственное» сталинское направление. Последствия этой победы мы знаем. Рассмотрим, какие сценарии могли разворачиваться в случае победы «глобалистского» направления.

Пессимистический сценарий. Войны избежать не удастся, причем она разражается в период, когда СССР к ней не готов. Вне зависимости от результата войны, нацистская Германия и СССР выходят из нее резко ослабленными. Господствующей идеологией в Европе оказывается идеология реформистской социал-демократии, а доминирующей финансово-экономической силой – мировая финансовая олигархия. Фактически на длительный период в мире устанавливается порядок, к которому в настоящее время стремятся приверженцы «глобализации по-американски». Россия не успевает закончить индустриализацию. Поскольку теоретической основой социал-демократии является ортодоксальный марксизм, который предполагает отмирание государства и национальных границ. Россия, скорее всего, становится, как сейчас, сырьевым придатком более технологически и экономически развитых стран Европы и Америки.

Оптимистический сценарий (маловероятный) состоит в том, что большой войны удастся избежать. Он мог бы осуществиться только в результате существенного сближения идеологии и экономического устройства России-СССР с идеологией правой социал-демократии и идеологическим устройством, характеризующимся рыночным механизмом, частной собственностью

на средства производства и экономической открытостью. Иными словами, еще в 30-е – 40-е годы прошлого века Россия могла придти к состоянию, близкому к 1991 г., только без развитой промышленности и нескольких десятилетий мирового лидерства за плечами.

Идеология СССР как альтернативного полюса. Идеология «альтернативного полюса», которой руководствовался Сталин, не была оформлена в виде самостоятельного направления в марксизме. В послевоенные годы Сталин постарался заложить несколько тезисов такой теории, точнее идеологии. Он едва ли не первый из марксистов дал определение категорий капитализма и социализма не в терминах только социально-экономических и политических, а фактически обращаясь к смысловым, то есть идеологическим понятиям.

И. Сталин в работе 1951 г. «Экономические проблемы социализма в СССР» [17] определяет социализм не через господство государственной или частной собственности, не через наличие рынка или плана, а через цель, на которую направлено данное общество (в чьих интересах?). Капитализм – такой строй, который обеспечивает максимизацию прибыли держателям капитала. Социализм – такой строй, который направлен на «максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей членов общества». Он понял, что идеология – это не функция от производительных сил и производственных отношений, не «надстройка» (по-русски – чердак?), а нередко главный двигатель истории. В эпоху информационного общества в этом трудно сомневаться. Человек живет в двух мирах. Исторический материализм был великим прорывом в науке об обществе. Но он недостаточен. Необходимо дополнить его историческим идеализмом.

Идеологический поворот к соединению социализма с национализмом начался с речи Сталина на XIX съезде партии (1952 г.). Вот цитата из этой речи: «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять». Одной из целей публикации статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», по-видимому, было выдвижение **нации** (и языка как ее фундаментальной опоры) в ранг факторов, не менее важных для истории, чем факторы экономические и политические, к которым влиятельная часть марксистской науки пыталась свести весь исторический анализ. Категория нации, очевидно, не сводима к ним.

Этот поворот в идеологии можно рассматривать как развитие марксизма-ленинизма. Но можно и как отказ от марксизма и ленинизма. Именно так интерпретирует установку Сталина в последние годы жизни А. Елисеев [14, с. 372]: «Марксизм-ленинизм не может считаться идеологической основой партии, фигура Ленина, нигилиста и разрушителя, должна уступить место фигуре Сталина – творца, созидателя новой, великой державы. Генералиссимус начинает кампанию по постепенной дискредитации Ленина». С этим нельзя согласиться. Сталин именно в силу подчеркиваемой А. Елисеевым установки на сохранение духовно-идеологического единства народа не мог идти на такой радикальный поворот. Он прекрасно осознавал, что именно Ленин подготовил идеологическую базу для такого единства в незападной России, объявив о необходимости союза рабочего класса и крестьянства. Крестьянство превращалось из мелкой буржуазии, противника рабочего класса – в его друга и соратника по классовой борьбе.

Сталин уже в 20-е годы серьезно развивает важнейший тезис, сформулированный Лениным, о возможности двигаться к социализму путем его построения в отдельно взятой стране. Этот тезис оказывается не только отражающим политические реальности текущего момента, но как показывает духовный подъем следующих десятилетий, отвечающим историческим традициям и, если хотите, глубинным культурным и «цивилизационным кодам» народа. Сталин

отчетливо осознавал недостаточность того идеологического «эликсира», который был заложен в коммунистических идеалах, для выполнения народом его тяжелейшей мессианской задачи. И понимал, что необходимо их соединение с национализмом и духовными богатствами, накопленными предками.

Заслугой Сталина является осуществление в предвоенные десятилетия ряда мер по восстановлению национального патриотизма, преодолению нигилистического отношения к русской культуре и российской истории (разгром школы Покровского). При этом, конечно, мы помним, мы не должны забывать о методах, которыми действовали в то время, о тех талантах, которые покинули страну или погибли, о тех плодотворных идеях, которые зародились в советской стране на волне революционного подъема, но получили развитие только на Западе. Заслугами антиглобалистского направления в большой степени можно считать вершины советской кинематографии и театра, изобразительного и музыкального искусства, в которых великие гуманистические традиции были сплавлены с коммунистическими делами. К этому же ряду следует отнести «реабилитацию» многих исторических деятелей старой России, прекращение преследования церкви.

В том же русле проводилась после начала холодной войны кампания борьбы с «безродными космополитами и низкопоклонством перед Западом». Однако на эту кампанию у сталинской команды и у народа, только что пережившего страшную войну, не хватило ни интеллектуальных и духовных сил, ни художественного вдохновения, и она оставила скорее негативный след в нашей истории. В памяти народа от нее остался наверно только юмористический слоган «Россия – родина слонов». Новый подъем начинается только с приходом нового поколения в период «оттепели».

1.5. Идея прогресса и теория цивилизаций. Две линии в истории идеологий

Идея прогресса и теория цивилизаций. Что может дать историческая наука и философия истории для ориентировки человека в море Смыслов и ценностей, выявившихся в человеческой истории? – Данная проблематика, очевидно, первое, к чему следует обратиться.

Как уже говорилось в разделе 1.1, важнейшим явлением в развитии смысловой, духовно-идеологической сферы стало утверждение европейским Модерном идеи Прогресса. Марксизм, исторический материализм обогатил и уточнил эту категорию, поставив в качестве главной движущей силы истории – экономическое и научно-технологическое развитие производства, а в качестве его основных условий – производственные отношения, или используя современные понятия, институциональную систему. Видимо, еще долгое время экономический и технологический прогресс будет оставаться одной из главных ценностей и критериев, формирующих систему Смыслов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.